

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

Краснорѣчіи Священнаго Писанія, и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе красота и сила Россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе разлространить, обогатить и усовершенствовать можно,

ЧИТАННОЕ

въ годичное ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи Собраніе, бывшее въ 3й день Декабря 1810 года.

Сочиненіе Члена Академіи

Александра Шишкова,

и оною Академіею издано.

Въ Санктпешербургѣ,
печашано въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Типографіи,
1811 года.

ПОГРЪШНОСТИ.

<i>стр.</i>	<i>строк.</i>	<i>напегатано.</i>	<i>гитай.</i>
30	20	шешснадцашый	шескънадцашый
66	1	понимашь	понимаеть
69	25	оп	по
106	18	Фукидидамь	Фукидидамь
107	10	подзашыль,	подзашыль-

РАЗСУЖДЕНІЕ

О краснорѣчїи Священнаго Писанїя и проѣ.

Императорская Россійская Академія, пекущаяся о успѣхахъ въ языкѣ и словесности, благоволила предложить два заданія: 1е, *написать разсужденіе о краснорѣчїи Священнаго Писанїя.* 2е, *Показать, въ чемъ состоитъ богатство, обилїе, красота и сила Россійскаго языка, и какими средствами онъ еще болѣе разпространить, обогатить и усовершенствовать можно.* Да позволено мнѣ будетъ оба сіи вопроса соединить вмѣстѣ; ибо я полагаю по шесную и неразрывную между оными связь, что мнѣ кажется предложенныя совокупно могутъ они гораздо лучше освѣщать одинъ другой, нежели когда бы о каждомъ изъ нихъ разсуждаемо было порознь. Показаніе краснорѣчїя Священнаго Писанїя сопряжено неразрывно съ показаніемъ богатства, изобилїя и силы Россійскаго языка; а потому

есть купно и показаніе средствъ, какими, подражая сему краснорѣчію, можемъ мы разпространить, обогатить и усовершенствовать языкъ и словесность нашу. На семъ основаніи приступаю я къ разсужденію о сихъ обоихъ вопросахъ вмѣстѣ, и надѣюсь достаточно удовлетворить онымъ, когда раздѣля сіе сочиненіе мое на три снати, въ первой изъ нихъ покажу превосходныя свойства нашего языка, во второй приведу примѣры краснорѣчія изъ Священныхъ Писаній, въ третьей разсмотрю, какими средствами словесность наша можетъ обогащаться, и какими приходитъ въ упадокъ.

СТАТЬЯ I.

О превосходныхъ свойствахъ нашего языка.

По истиннѣ языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, понынѣ еще темная и не разрѣшенная. Въ какомъ со-

стояніи былъ онъ до введенія въ Россію православной христіанской вѣры, мы не имѣемъ ни малѣйшаго о томъ понятія, точно, какъ бы его не было. Ни одна книга не показываеиъ намъ онаго. Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою. Видимъ на немъ Псалтирь, Евангеліе, Іова, Премудрость Соломонову, дѣянія Апостоловъ, посланія, ирмосы, каноны, молитвы, и многія другія творенія духовныя. Видимъ его въ оныхъ не младенцемъ, едва двигающимъ мышцы свои; но мужемъ, поражающимъ силою слова, подобно какъ Геркулесъ силою руки. Дивимся острымъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его. Дивимся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Кажется какъ будто умъ и ухо истощили все свое тщаніе на составленіе онаго. Надлежало ли назвать какую либо невидимую вещь: умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ ея, или раздробляющійся по воздуху, или вдругъ потрясающій оный, или съ великимъ стремленіемъ свисляе-

щій; шогда ухо шопчасъ давало имена: *громъ, трескъ, вихръ*. Надлежало ли сосшавишь нарѣчія *далеко, близко, низко, глубоко, широко, високо*, и проч.: кажешся самъ разсудокъ придумывалъ сіи названія, говоря въ нихъ: *дале око* (шо еспь: проспирай зрѣніе далѣе); *близе око* (не проспирай оное въ даль); *низе око* (опускай въ низъ); *глубе око* (углубляй); *шире око* (разширай); *висе око* (возвыщай). Сличимъ оныя съ нарѣчіями другихъ языковъ: говорящъ ли сіе Французу слова его *loin, proche, bas, profond, large, haut?* и и Нѣмцу слова его *weit, nahe, niedrig, tief, breit, hoch?* Надлежало ли дасть имена чувствамъ нашимъ *слухъ, зрѣніе, обонянiе* и проч.: умъ искалъ въ нихъ самихъ изобразить знаменованіе оныхъ. Въ словѣ *слухъ* (l'ouïe, Фр.) помѣсшилъ и названіе шой части тѣла, копорая служишь орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства: *ухо* (l'oreille, Фр.). Слово *зрѣніе* сблизилъ съ подобными же свѣтъ означующими понятіями *зареніе, заря*. Слово *обонянiе* (сокращенное изъ *обонянiе*) со-

ставилъ изъ предлога *объ* и имени *воня*, слѣдовательно сдѣлалъ его выражающимъ *чувствованіе окрестнаго запаха*. Надлежало ли назвать какую либо видимую вещь: умъ разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то для составленія имени ея выбиралъ и буквы такой же образъ имѣющія: *око*. Потомъ отъ cadaго названія производилъ вѣшви такъ, чтобъ оныя, означая разныя вещи, сохраняли въ себѣ главное, отъ корня заимствованное понятіе. Отъ *грома* произвелъ *громко, громогласно, громоздко, огромно, гремушка*, и проч. Отъ *ока*, *около, околица, околичность, окно*, и проч. Потомъ отъ сихъ вѣшвей пустилъ еще новыя отрасли: *коло, или колесо, коловратно, колесница, кольцо, колыхать, колыхель*, и такъ далѣе. Всѣ сіи вѣшви, подобно вѣшвямъ дерева, питающія отъ своего корня, то есть сохраняющія въ себѣ первоначальное понятіе о круглости: потому *коловратность*, что изображаетъ *вращеніе кола* или колеса; потому *колыхать*, что движеніе сіе совер-

шается не по прямой чертѣ, но по дугѣ, подобной *кóлу* или колесу, и проч.

Таковыя семейства словъ, изъ которыхъ инныя весьма плодородны, часто примѣчающа вѣ языкѣ нашемъ. Они подобны древамъ, составляющимъ великій лѣсъ. Разсмотримъ хотя одно изъ нихъ съ нѣкоторою подробностію. Возмемъ, на примѣръ, извѣстное издревлѣ орудіе, называемое *лукъ*. Хотя бы и не могли мы добратся, отъ каковаго корня происходитъ сіе названіе, однако по образу и употребленію сего орудія знаемъ, что оно есть дуга, или кривая, согнутая черта. Слѣдовательно понятіе о *лукѣ* сопряжено неразрывно съ понятіемъ о *кривизнѣ*. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ умъ, составлявшій языкѣ нашъ, перенесъ сіе понятіе къ другимъ вещамъ и извлекъ изъ него, яко изъ корня, многія вѣтви или слова, которыя всѣ, какъ уже и выше сказано, хотя разныя вещи означаютъ, однако же во всѣхъ счыхъ главное и существенное корню илѣ понятіе о *кривизнѣ* всегда не раз-

лучно съ ними пребываетъ. Отсюда произошли слѣдующія вѣшви или опрасли:

Лукѧ. Разсмотримъ сіе слово. Всякая дуга имѣетъ такое свойство, что естли мы и раздѣлимъ ее на многія части, то части ея будутъ поже дуги. Но *лукѧ* естъ не иное что, какъ дуга. И такъ естли мы раздѣлимъ оный на нѣсколько частей, будетъ не *лукѧ* (то естъ цѣлое), но будетъ *лукѧ* (то естъ часть *лука*), имѣющая подобную ему кривизну. Изъ сего явствуетъ, что слово *лукѧ*, не сопряженное ни съ какими другими словами, значить нѣчто кривое, согнутое; въ соединеніи же съ другими именами означаетъ какъ самую вещь, такъ и кривизну, непременно той вещи свойственную. Такимъ образомъ когда мы скажемъ *лукѧ у сѣдла*, или, *Самарская лукѧ на Волгѣ*, то хотя бы и не знали, что такое собственно значить здѣсь *лукѧ*, однако по коренному сопряженному съ симъ словомъ понятію знаемъ, что въ сѣдлѣ долженствуетъ оно озна-

часть какую нибудь часть онаго, имѣющую кривизну или погибь, и пошому называющуюся *лукото*; а въ рѣкѣ также изгибь ея или кривизну бегега, и слѣдовательно шо, что называется инымъ словомъ *заливѣ*. Далѣе въшви онаго сунь:

Лутица (уменьшительное отъ *лукѣ*), *заливецѣ*; и *вложи* (мать Моисеева) *отъ роса въ ковѣжецѣ*, и *положи его въ лутицѣ при рѣцѣ*. (Чеш. мин.).

Лукоморье, губа, *заливѣ*, часть моря, вдающаяся въ берегѣ дугою или *лукото*: а *нонѣ* *пойдемѣ* на *нихѣ* за *Донѣ* и до конца *ихѣ* *избѣемѣ*; а же *ни* *будетѣ* *побѣда*, *идемѣ* и до *лукоморья*, *гдѣ* же не ходили ни *дѣди* *наши*, а *вознемѣ* до конца *свое* *славу* и *гестѣ*. (Несторѣ стр. 217).

Малыкѣ или *наляцѣ*: *напрягать* *пешиву*, дабы *лукѣ* больше *сгибался*, или *лукѣ* *становится* еще больше *лукото*: *налягши* *язвѣ* *твой* *яко* *лукѣ*.

Слякѣ или *сляцѣ*; *сгибашь* что либо въ *лукѣ* или въ *луку* (т. е. въ *крюкѣ*, въ *дугу*): *слягши*, *яко* *серпѣ*, *всѣ*

твою. Сляцае.ми множествомъ прегрѣшеній,
и проч.

Слякій или *слукій*: сляченный, согбенный, скорченный: и бѣ жена недужна и сляка.

Облукъ (уменьш. облучокъ), Выгну-
тая нѣсколько деревина, покрывающая
копылья у саней: сидѣтъ на облукѣ.

Излугина: извилина, изгибина, кри-
визна какой либо вещи или мѣста.

Излугисто: извилисто, изгибисто,
непрямо.

Луковица, по причинѣ весьма кру-
таго изгиба, примѣчаемаго въ семъ овощѣ.

Лукошко, по причинѣ округлоспи
сего сосуда.

Лукавство, умспвенная кривизна.

Лукавитъ, поступать нечистосер-
дечно, непрямо, кривить душою.

Слугеніе, слугай, слугайность, слу-
жится, слугитъ, слутка. — *Разлугеніе*, раз-
лука, разлугитъ. — *Отлугеніе*, отлугитъ,
отлугитъ, отлутка. — *Прилугеніе*, при-
лугитъ, прилугитъ, прилука. — *Полуге-*

нѣс, полугитѣ, залугитѣ, улугитѣ, излугитѣ, благополугитѣ, злополугитѣ, и проч.

Во всѣхъ сихъ словахъ первоначальное понятіе или мысль, всегда сопряженная съ ними, есть то самое свойство языка, въ которое любитель словесности, а особливо писатель, долженъ приближно вникать, дабы употребленіемъ словъ искусно и правильно располагать. Зная, что такое *лукъ* или *лукъ*, я уже смѣло утверждаю, что когда *лукъ* натягивается или *налягается* шепивою, тогда обѣ половины, или обѣ *луки* его, *слугаются*, то есть сходящяся концами вмѣстѣ. Обстоятельство, одной только *лукъ* свойственное; ибо концы прямой черты никогда не могутъ сходиться; надобно ее согнуть, или сдѣлать *лукѳю*, дабы онѣ *слугились*, то есть сошлись концами вмѣстѣ. Равнымъ образомъ когда у *налятеннаго* лука шепива ослабляется, тогда обѣ *луки* его *разлугаются*, то есть разходящяся врознь, приближаются къ положенію прямой черты. Изъ сего первоначальнаго понятія перехожу я въ

другое, смежное съ нимъ: примѣчаю, что *слугеніе* и *разлугеніе* есть не иное что, какъ *соединеніе* и *раздѣленіе* или *расхожденіе*. Отсюда говорю *слугай*, то есть спеченіе или соединеніе обстоятельствъ. *Слугать собакъ* (говорящъ охотники), то есть скликать, собирать, когда онѣ разсѣяны. *Слугка*; соединеніе. *Отлугить, отлугка*: отдалить, отдаленіе. *Прилугить*: привязать, привлечь, приманить къ себѣ. *Прилука*: потъ или па, которая прилягиваетъ, привлекаетъ къ себѣ. Въ пѣсни поется: *красная дѣвица, прилука молодецкая, прилутила къ себѣ молодца, приманила безталаннаго, и проч.* *Залугить*: приблизить къ себѣ захваченіемъ въ средину *луки* или *дуги*. *Полугить*: соединиться съ шѣмъ, что обыкновенно доходитъ до насъ чрезъ прохождение разныхъ путей, какъ бы *лукою* или *по лукѣ*. Подобно тому и прочія слова, каждое заключаетъ въ себѣ не простое только значеніе, но разумъ, выводимый изъ первоначальнаго понятія, то есть изъ корня,

отъ котораго сіе слово, какъ вѣтъ произрасло.

Изъ всего вышеписаннаго можемъ мы ясно усмотрѣть, какимъ образомъ мысль человѣческая, переходя отъ одного понятія къ другому, смежному съ нимъ, рождаетъ слова, и составляетъ цѣлыя семейства оныхъ. Почти каждое слово въ языкъ нашемъ принадлежитъ къ какому нибудь изъ шаковыхъ семействъ, и само собою, при малѣйшемъ вниманіи въ оное, показываетъ источникъ, откуда оно течетъ, то есть первоначальную, породившую его мысль. Въ языкахъ, которые не коренные, но составлены изъ разныхъ языковъ, мы того не примѣчаемъ, или примѣчаемъ гораздо меньше. Сличимъ вышеприведенное нами семейство словъ съ соотвѣствующими имъ словами другаго языка, на примѣръ Французскаго, мы увидимъ, что у нихъ нѣтъ той семейственности, и что слова ихъ суть разныхъ отцовъ дѣти:

Лукъ	—	—	—	—	arc.
Лука	—	—	—	—	courbe.
Излучина	—	—	—	—	courbure.
Излучишь, улучишь	—	—	—	—	saisir.
Излучисный	—	—	—	—	courbé, tortueux.
Случай	—	—	—	—	occasion.
Случайность	—	—	—	—	casualité.
Случайно	—	—	—	—	par hasard.
Случается	—	—	—	—	il arrive.
Случишь	—	—	—	—	reunir.
Случка	—	—	—	—	accouplement.
Разлучишь	—	—	—	—	separer.
Отлучка	—	—	—	—	absence.
Сляцашь	—	—	—	—	courber.
Наляцашь	—	—	—	—	tendre.
Луковица, луковка	—	—	—	—	oignon.
Лукавство	—	—	—	—	ruse.
Лукошко	} нѣшь.				
Прилучишь					
Прилука					

Сіе соотвѣтствіе семейственныхъ словъ ихъ весьма недоспапочно для точнаго выраженія нашихъ семейственныхъ именъ и глаголовъ; ибо, на примѣръ, слово ихъ reunir значишь соединишь, а

не *случитъ*; *accouplement*, сочешаніе, а не *слутка*; *courber*, сгибашь, а не *сляцатъ*; *tendre*, напягивашь, а не *наляцатъ*; *absence*, отсутствіе, а не *отлутка*. Глаголь ихъ *saisir* хорошо выражаешь *схватитъ геловѣка* (*saisir un homme*), но худо выражаешь *улучитъ время* (*saisir le tems*). Конечно и мы бы говорили *схватитъ время*, ешьлибъ не имѣли приличнѣйшаго къ тому глагола *улучитъ*.

Хотя сему и бышь не возможно, чшобъ семья словъ одного языка согласовалась почно съ семьею словъ другаго языка; однако же гдѣ таковыя семейства многочисленнѣе, и гдѣ ихъ больше, то кажешся безошибочно заключить можно, что языкъ сей есть несравненно древнѣйшій и богатѣйшій, поелику видно, что онъ о составленіи словъ своихъ, шакъ сказашь, самъ умспвовалъ, изъ самаго себя извлекалъ ихъ, раждалъ; а не случайно какъ нибудь заимспвовалъ и собиралъ отъ другихъ народовъ.

Многія слова въ языкъ нашемъ суть не просшо звуки, условно означающія вещь,

но' заключающія сами вѣ себѣ знаменованіе оной, то есть описующія образъ ея, или дѣйствіе, или качество, и слѣдовательно заступающія мѣсто цѣлыхъ рѣченій. На примѣрѣ вѣ названіи *вельможа* представляются мнѣ многія понятія совокупно: слово *вель* (отъ велий) напоминаетъ мнѣ о изяществе, о величіи; слово *можа* (отъ мощь или могущество) изображаетъ власпъ силу. Французъ назоветъ сіе *grand Seigneur*, Нѣмецъ *grosser Herr*, и оба двумя своими словами не выразятъ мысли, заключающейся вѣ одномъ нашемъ словѣ; ибо слова ихъ, ни первыя *grand, grosser* (великѣ), ни вторыя *Seigneur, Herr* (господинѣ), не даютъ мнѣ точнаго понятія ни о словѣ *велий*, ни о словѣ *могущество*; они говорятъ только *великой господинѣ*, а не *вельможа*.

Мы говоримъ *цѣломудріе*. Французы говорятъ *chasteté*. Нѣмцы *Keuschheit*. Какую мысль заключаютъ вѣ себѣ слова ихъ? Никакой, кромѣ условной, то есть основанной на вѣрѣ къ тому, отъ кого я ихъ услышалъ. Наше слово, напрошивъ,

само себя толкуетъ и объясняетъ. Я въ знаменованіи его не другому кому вѣрю, но ему самому; ибо во первыхъ нахожу въ немъ *цѣлость*, означающую или такую вещь, которая всѣ свои части при себѣ сохраняетъ, или такую, въ которой ни одна изъ ея частей не повредилась; а потому въ первомъ случаѣ соотвѣтствуетъ оно Французскимъ словамъ *entier, tout entier*; а во второмъ словамъ *pur, simple, innocent*. Въ такомъ разумѣ сказано: *будете мудры яко зми, и цѣли яко голуби*, то есть ничемъ не повреждены, невинны, чисты, непорочны. Во вторыхъ, къ сему понятію присовокуплено еще понятіе о мудрости. Слѣдовательно слово *цѣломудріе* само собою значить: *мудрое сохраненіе себя во всей чистотѣ и непорочности*. Представляются ли вся сія мысль Французу или Нѣмцу въ словахъ ихъ *chasteté* и *Keuschheit*, въ составѣ которыхъ нѣтъ ничего напоминающаго о *мудрости* и *неповрежденности* или *непорочности*? Сколько мы такихъ словъ въ языкѣ нашемъ показать можемъ: *присносущней, благо-*

образной, лютокровной, иѣсноуѣнїе, благоуханїе, гадолубїе, искони, вретище, сладкорѣчїе, и тысячи тому подобныхъ.

Естьли иноспранные языки въ чемъ нибудь и равняются съ нашимъ, то весьма ограничено и скудно. На примѣрѣ мы говоримъ *моушной* и *всемоушной*, или *моушїй* и *всемоушїй*. Французъ можетъ поже сказать *puissant* и *tout puissant*, Нѣмецъ поже *mächtig* и *almächtig*; но въ словахъ *всесильной*, *всєблагїй*, *всєщедрой*, *всєрадостной*, *всєядецъ*, *всєоружїе*, *всєцарь*, и проч. топчасъ отъ насъ опстанутъ.

Богапство языка нашего, произходящее отъ сложенїя предлоговъ съ именами и глаголами, имъ почти всѣмъ неизвѣстно. Опсюду произходитъ, что они могутъ сказать, на примѣрѣ, *пою* (*je chante*), но не могутъ сказать ни *поѣваю*, ни *разпѣваю*, безъ описанїя того другими словами, недоспапочно выражающими наше слово, какъ на примѣрѣ *попѣватъ* переводятъ: *chanter quelquefois ou un peu* (пѣшь иногда

или немного); *раздѣвать: chanter d'un ton trainant* (пѣшь протяжнымъ голосомъ). Скажутъ *лежатъ* (*coucher*), но не могутъ сказать ни *летѣ*, ни *прилетѣ*, ни *полежатъ*, ни *разлетѣся*, ни *разлежатся*, ни *залетѣ*, ни *отлежатъ*, ни *належатъ*, ни *улежатъ*, ни *пролежатъ*.

Уменьшительныхъ: *колетко, рутка, сердечко, сердечушко, малешенко, раншенко*; увеличительныхъ: *столице, долище, ругища*; показующихъ степень качества: *бѣловатѣ, кругловатѣ*; усѣченныхъ: *бѣленекѣ, кругленекѣ, великонекѣ*, или очень мало, или совсѣмъ не имѣютъ.

Причастіе у нихъ одинакое: *слѣдственно* и *простое* и *высокое* *вмѣстѣ*. Они не могутъ его по нашему разнообразить; не могутъ сказать и *гремя* и *гремящій* и *гремущій*; не могутъ въ высочайшемъ слогѣ выразить нашихъ: *сѣдящѣ, сѣдай*; ниже въ простомъ *идущи, скачущи*, и проч.

Но я бы долго не кончилъ, еслибы захотѣлъ подробно изчислить всѣ преимущественна языка нашего предъ другими.

Для того удовольствуемся тѣмъ, что сказано, и спанемъ продолжая разсужденія наши.

С Т А Т Ь Я II.

О краснорѣчїи Священныхъ Писаній.

Мы показали опчаспи богатство мыслей, заключающееся въ словахъ нашихъ; видѣли превосходство ихъ предъ словами другихъ языковъ. Изъ сего краткаго показанія можемъ посудить, какая разность въ высотѣ и силѣ языка долженствовати существовати между Священнымъ Писаніемъ на Славенскомъ и другихъ языкахъ: въ шѣхъ сохранена одна мысль; въ нашемъ мысль сія одѣша великолѣпіемъ и важностію словъ. Нужно ли еще вновь представити тому доказательства изъ примѣровъ? мы тотчасъ увидимъ сіе изъ самаго краткаго сличенія. Возмемъ первый Давидовъ псаломъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нече-*

стивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и
 на сѣдалищи губителей не сѣде. Но въ за-
 конѣ Господни воля его, и въ законѣ его
 поугится день и ноцъ. Я будетъ яко древо
 насажденно при исходящахъ водъ, еже плодъ
 свой дастъ во время свое, и листъ его не
 отпадетъ, и вся, велика аще творитъ, успѣетъ.
 Не тако неспивив, не тако: но яко прахъ,
 его же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли,
 и проч. Возмемъ теперь Францускую
 библию и посмотримъ, какъ сказано въ
 ней блаженъ мужъ? *Heureux l'homme.*
 Вошъ уже первыя два слова не равняются
 съ нашими: *heureux* (щастливъ) не выра-
 жаетъ нашего блаженъ; *l'homme* (человѣкъ)
 не выражаетъ нашего мужъ. Какъ ска-
 зано: *въ законѣ Господни воля его? qui*
prend son plaisir dans la loi de l'Éternel.
 Можетъ ли сіе выраженіе сравниться
 съ просноптою и силою нашего: *въ зако-*
нѣ Господни воля его? Какъ сказано: *и на*
сѣдалищи губителей не сѣде? qui ne s'assied
point au banc des moqueurs. Во первыхъ
 слово ихъ *banc*, которое не выше нашихъ
 лавка, скамья, далеко уступаетъ слову

сѣдалище; во вторыхъ *могущи* (насмѣшникѣ) не выражаеиъ нашего *губитель*; въ третъихъ *s'assied* употребляется у нихъ: говоря о всякомъ лицѣ; у насъ напротивъ о простомъ лицѣ говорится *сидитъ*, о высокомъ же *сѣдитъ*. Какъ сказано: *не тако негестивѣи, не тако; но яко прахъ, его же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли? il n'en sera pas ainsi des méchants; mais ils seront comme la bale que le vent chasse loin.* Гдѣ въ семъ выраженіи сила повторенія: *не тако негестивѣи, не тако?* въ словахъ: *mais ils seront comme la bale que le vent chasse loin*, еспльи хопя малѣйшая тѣнь сего поль еспешвеннаго и поль краснорѣчиво сказаннаго подобія: *но яко прахъ, его же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли? (*)*.

(*) Сіе сравненіе сдѣлано прошивъ Француской Библии, изданной *Остервальдомъ* (par J. F. Ostervald). Но какъ Французы имѣютъ разные переводы псалтыри, то (дабы не опнесли къ слабости перевода слабость языка) возмемъ лучшей изъ оныхъ, а именно

Сколько бы мы ни взяли примѣровъ, вездѣ будемъ находить одно и тоже. Если бы гдѣ и нашли у нихъ преимущественнѣйшее предъ нашимъ выраже-

Лагарповъ. Сей знаменитый писатель старался, сколько возможно, сохранить красоты подлинника. Мы увидимъ по извѣ его перевода. Онъ начинаемъ: *heureux l'homme qui ne s'est point laissé aller aux conseils des impies, qui ne s'est point arrêté dans la voie des pecheurs, et ne s'est point assis dans la chaire de corruption.* Сличимъ сіе начало съ нашимъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде.* Во первыхъ какая краткосць! во Французскомъ 36 отдѣляющихся одно отъ другаго словъ, а въ нашемъ 20. Во вторыхъ слова избраннѣе: *блаженъ мужъ сѣдѣи,* а не *щастливъ тотъ человекъ, который сидитъ* (*heureux l'homme assis*); въ третьихъ: какая плавность! Гдѣ найдемъ мы въ нашемъ сіи длинная повторенія: *qui ne s'est point laissé, qui ne s'est point arrêté, qui ne s'est point assis?* Онъ сохранилъ красоту выраженія: *но въ законѣ Господни воля его, сказавъ: mais dont la volonté est dans la loi du Seigneur;* однако,

ніе или слово, то уже конечно въ двадцати другихъ мѣстахъ окажется противное тому. О неподражаемомъ вѣнчѣйшемъ духовныхъ пѣснопѣній писали многіе, между прочими во Франціи Ролень. Но когда онъ на своемъ языкѣ находилъ такое превосходство, то уже мы на своемъ, по всѣмъ вышесказаннымъ причинамъ, должны находить оное въ высочайшемъ несравненно степеніи. Изъ нашихъ писателей Ломоносовъ, хотя нигдѣ не разпространился о языкѣ и краснорѣчіи Священныхъ Писаній, однако чувствуя важность ихъ упомянулъ, что

сохраня ту же мысль, не могъ сохранить той же самой краткости; ибо въ нашемъ выраженіи только шесть, а въ его десять словъ. Онъ хотѣлъ также сохранить красоту выраженія: *не тако неестивѣи, не тако*; но какъ же принужденъ былъ сказать? Вотъ какъ: *il n'en sera point ainsi des impiés; non, il n'en sera point ainsi*. Сколько словъ! Разпространяя подобныя замѣчанія на всѣ Священныя Писанія, какое открывается превосходство одного языка предъ другимъ!

безъ чтенія оныхъ не можемъ мы никогда быть сильны въ словесности, и во всѣхъ его сочиненіяхъ (какъ то ниже показано будетъ) явствуетъ, какъ много напоилъ онъ себя духомъ и мыслями изъ сего богатаго источника.

Дѣйствительно, Священные Писанія равно необходимы намъ, какъ для души нашей, такъ и для ума. Сколько полезны онѣ для нравственности, столько же и для словесности; ибо безъ чтенія и упражненія въ оныхъ не познаемъ мы никогда высоты и силы нашего языка. Можетъ быть онѣ становаются уже для насъ темны; но сіе-то самое и показываетъ паденіе словесности. Гомеровъ языкъ долженъ отчасу темнѣе становиться для тѣхъ новѣйшихъ Грековъ, которые никогда не читаютъ твореній сего безсмертнаго стихотворца; между тѣмъ, какъ оныя по сіе время не потемнѣютъ для тѣхъ чужеземцевъ Гомеру, которые не могутъ никогда престать восхищаться его удивляясь. Когда мы предълы

языка и краснорѣчія такъ стѣснимъ, что станемъ шолько що почиташъ хорошимъ, къ чему разумъ и ухо наше отъ ежедневнаго употребленія прывъкли, или что отъ частаго повторенія въ чтеніи свѣтскихъ книгъ сдѣлалось намъ ясно, тогда мы нѣкопрыхъ крапкихъ выраженій (въ которыхъ часно вся сила и красота языка заключается), нѣкопораго особаго словосочиненія священныхъ книгъ понимать не будемъ, слѣдователно и краснорѣчіе ихъ надъ нами не подѣйствуешъ. На примѣръ, когда мы вдругъ прочишаемъ сей ирмосъ: *судилищу Пилатову предстоитъ хотяй, беззаконному суду, яко судилъ судія, и отъ руки неправды заушася Богъ, Его же трепещутъ земля и небесная.* (Шестодн. л. 175), то не прежде выразумѣемъ всю силу словъ сихъ, какъ по нѣкоемъ внимательномъ разсмотрѣніи оныхъ. *Судилищу Пилатову предстоитъ хотяй* — что итакое хотяй? крапкость выраженія сего насъ остановитъ. Но при малѣйшемъ вниманіи мы потчасъ увидимъ, что оно зна-

читъ по собственному своему произволенію; ибо естли бы Христосъ не хотѣлъ стоять предъ судомъ Пилатовымъ, пакъ бы и не спохъ. Далѣе: *беззаконному суду, яко суди.мъ Судія.* — Также и сіе выраж-ніе затруднишъ насъ; но съ малѣйшимъ знаніемъ языка и вниманіемъ мы тѣмчасъ проицаемъ въ немъ слѣдующую мысль: кто предстоитъ беззаконному суду? *Судія всего міра!* какъ предстоитъ? *яко подсудимый!* Не опкрываеися ли уже намъ красота мыслей въ словахъ сихъ: *судилищу Пилатову предстоитъ хотяи, беззаконному суду, яко суди.мъ судія?* За симъ прекраснымъ началомъ какой удивительный конецъ слѣдуетъ: *и отъ руки неправды заушается Богъ, Его же трепещутъ земля и небесная!* Можно ли чтонибудь сильнѣе сего предсказать для возбужденія въ насъ любви ко всевышнему Творцу? Какое величество и въ какомъ посрамленіи! Судія всего міра предстоитъ, яко подсудимый, беззаконному суду Пилатову, и отъ руки неправды претерпѣваетъ самое поноснѣй-

шее поруганіе: удареніе по ланитамъ! Кто претерпѣваетъ? Богъ, котораго трепещутъ земля и небеса! По какой нуждѣ претерпѣваетъ сіе? Безъ всякой нужды, *хотай!* для чего *хотай?* для того, чтобъ во удовлетвореніе истиннѣ и правосудію безчестіемъ и спраданіемъ своимъ искупить весь родъ человѣческой отъ гибели! Ежели таковое изображеніе величія Божія, восхопѣвшаго по безмѣрной благости и милосердію сойти для насъ въ самое униженнѣйшее состояніе, ежели, говорю, таковое паразитическое изображеніе не въ силахъ поколебать души нашей, такъ она должна быть каменная, не имѣющая ни чувствъ, ни разума.

Возмемъ другой ирмосъ: *страхомъ къ Тебѣ яко раба, смертъ повелѣвша приступи Владыцѣ живота, тою подающаго намъ безконечной животъ и воскресеніе.* (Тамъ же). Безъ сомнѣнія сіи первыя слова: *страхомъ къ Тебѣ яко раба, смертъ повелѣвша приступи Владыцѣ живота,* покажутся намъ шемъ; но вни-

кая въ оныя мы скоро увидимъ, что смыслъ ихъ есть слѣдующій: *смерть, по повелѣнію Твоему, со страхомъ, яко рабѣня приступила къ Тебѣ Владѣкъ живота, и тогда потчасъ почувствуемъ, что не можно ничего приличнѣе и лучше сказать, говоря о смерти Богочеловѣка Христа.* Изъ сего мы удобно видимъ, что не токмо въ ясныхъ Священнаго Писанія мѣстахъ, но и въ самыхъ тѣхъ, которыя по причинѣ пѣснопѣвнаго расположенія словъ ихъ кажутся бытъ шемными, открываются однакожъ великія красоты, какъ скоро оныя со вниманіемъ разсмотрѣны будутъ. Высокихъ твореній не возможно съ такою же легкосію читать, съ какою пробѣгаются простыя стишки, или повѣсти и рассказы, служащія пищею одному любопытству, а не уму. Глубокомысленный писатель пребываетъ и въ читателѣ глубокомыслія. Онсюю приходишь, что духовныя творенія наши весьма полезны тому, кто въ краснорѣчїи желаетъ упражняться. Онъ принуждаетъ его о каж-

домъ выраженіи, о каждомъ словѣ, размышлять, умспвовашь, раждають въ немъ чувство, разумокъ, вкусъ, и часпо научаютъ его тому, чего онъ прежде не зналъ, и чего никакія книги иноспранныя показатъ ему не могли. Когда я въ Іовѣ (гл. 15) прочитаю сіе изрѣченіе о зломъ человекѣ: *посѣтеніе его прежде гаса растлѣетъ, и лѣторасла его не облиственѣетъ*, тогда научаюсь, конечно, сему новому для меня, сему прекрасному выраженію: *и лѣторасла его не облиственѣетъ*. Когда шамъ же прочитаю возросъ сей: *еда первый отъ теловѣкѣ рожденъ еси? или прежде холмовъ сгустился еси?* Тогда опянь нахожу новое для меня выраженіе *сгустился*. Оно подаеишь миѣ поводъ къ размышленію. Не лучшели, думаю поснавишь здѣсь *созворился, сдѣлался, составился, произшелъ?* Нѣишь, продолжаю думать, въ первомъ вопросѣ, гдѣ человекѣ сносился съ человекѣми, сказано *рожденъ*; но во второмъ вопросѣ, гдѣ человекѣ сносился съ холмомъ, надобно сыскать и слово обоимъ имъ, но болѣе холму приличное;

а попому сотворился, сдѣлался, не хорошо; составился, произшелъ, хопя и лучше, однако сїи глаголы не показывающѣ, не изображающѣ мнѣ той густоты, какую глазъ мой видитъ въ холмѣ; и такъ всѣ сїи слова испортивъ выраженіе: *или прежде холмовъ сгустился еси*. Когда въ главѣ шестнадцатой прочитаю: *да придетъ молба моя ко Господу, предъ нимъ же да каплетъ око мое*, тогда хопя и знаю много другихъ выраженій, подобныхъ послѣднимъ въ сей рѣчи словамъ, таковыхъ, какъ *станемъ плакатъ предъ нимъ, рвѣмъ, проливатъ слезы*, однако чувствую, что всѣ сїи выраженія не такъ сильны, не такъ важны, какъ выраженіе *да каплетъ око мое предъ Язмѣ!* Сколько найду я подобныхъ мѣстъ, изъ которыхъ обогащаюсь мыслями и научаюсь знать силу словъ и языка! Что можетъ быть поразительнѣе и ужаснѣе сихъ выраженій, какими удрученный всѣми злосчастіями Іовъ описываетъ свое состояніе: *тлѣю духомъ носи мѣ—прошу же гроба и не цлугаю*. *Молю болѣзную, и что сотворю?—Дніе мои прей-*

доша въ тегеніи, расторгошася же удове сердца моего. Моцѣ въ день преложихѣ— адѣ мѣсто долѣ, въ сулрацѣ же постлася ми постеля: смерть назвахѣ отца моего бѣги, матерѣ же и сестру ми гной. Гдѣ убо еще есть ли надежда? и проч. Какое сближеніе самыхъ любезнѣйшихъ предметовъ съ самыми ужаснѣйшими! Могилу почишахъ домомъ своимъ! Мракъ постелею! Смерть опцемъ! Гной матерью, и сестрою! Но таковъ есть образъ смерти. Истинна предсказана здѣсь въ самомъ шолько ужаснѣйшемъ видѣ, впрочемъ не преспаешъ бытъ истинною.

Преждемъ ли опѣ Іова къ великолѣпію и грому псалмовъ Давидовыхъ? Когда божественный пророкъ сей начинаешъ говорить о Богѣ, какая въ словахъ его изображается любовь и надежда на него: возлюблю тя Господи крепосте моя, Господе утвержденіе мое, и приближеніе мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на него: защититель мой, и рогъ спасенія моего, и заступникъ мой! Кажешся успа его не можешъ насытись

повпореніємъ имени Господня и различными благодѣяніи Его изчисленіями. Кончишѣ и опянь начинаешѣ. Толико силѣ въ немъ духъ благодарности! Когда же говоришѣ о бѣдствіяхъ своихъ, отъ кошерыхъ бы погибъ онъ безъ помощи Божіей, то какими пламенными чертами изображаешѣ ихъ: *одержаша мя болѣзни смертныя, и потоци беззаконія смятоша мя. Болѣзни адовы ободоша мя, предвариша мя сѣти смертныя!* Посреди сихъ бѣдствій, уготованныхъ ему отъ враговъ его, взываетъ онъ ко Всевышнему. Богъ услышалъ шеплыя молитвы его, и когда *подвинулся на помощь ему, тогда третна бѣгств земля, и основаніе горъ смятошася.* Толкій страхъ и потрясеніе въ природѣ производитъ единое мановеніе Божіе! Но послушаемъ, какими чертами описываетъ онъ грядущаго на помощь къ нему Творца: *взвѣде дѣмъ гнѣвомъ Его, и оръ отъ лица Его воспламенится: угліе возгорѣся отъ Него. И приклони небеса и снудѣ, и мракъ подѣ ногама Его.* (Одно сіе выраженіе: *и приклони небеса, даешѣ*

уже величественное, страшное понятие о томъ, кто съ нихъ низсходитъ). *И взезде на Хруви.ми, и летѣ, летѣ* (прекрасное повнореніе) *на крилу вѣтрю. — Отб блистанія предб Милѣ облаца проидоша: градб и угліе огненно!* (Таковѣ во славѣ и во гнѣвѣ Богѣ)! *И возгремѣ съ небесе Господь, и вншній даде гласѣ свой. Мизпосла стрѣлы, и разгна я* (ш. е. враговѣ): *и молніи умножи, и смяте я. И явишася истоцици водній, и открьшася основанія вселеннѣя. — Онѣ чего природа вѣ такомѣ ужасѣ и движеніи, чшо глубина водѣ разспупилась и опкрыла основанія вселенной? — Отб запрещенія Твоего Господи, отб дохновенія духа гнѣва Твоего. Какая высоша вѣ мысляхѣ! Какая сила вѣ выраженіяхѣ и словахѣ!*

Индѣ съ какою громкостію начинаешѣ онѣ воспѣватьъ Бога: *небеса повѣдаютѣ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетѣ твердѣ. Денѣ дни отрегаетѣ глаголѣ, и ноцѣ ноци возвѣщаетѣ разумѣ. Не сущѣ рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихѣ: во всю землю извѣде вѣ-*

щаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголюхъ ихъ. Подлинно созерцаніе небесъ, премѣны дня съ нощію, всѣ сіи чудныя, великолѣпныя явленія, не суть рѣчи или слова, но вѣщанія, исходящія во весь міръ, и громче всякаго языка или гласа проповѣдующія славу своего создателя. *Въ солнцѣ положи селеніе Свое: и той яко женихъ исходяй отъ тертога Своего, возрадуется яко исполнивъ тещи путь: отъ края небесе исходъ Его, и срътеніе Его до края небесе: и нѣсть, иже укрѣится теплоты его.* Подлинно подобно блистающему въ златыхъ одеждахъ жениху выходитъ оно изъ чертога своего. Подлинно, какъ исполнивъ, надѣющійся на силу свою, радуется, что предприемленъ печи сей великій путь, котораго начало есть одинъ, и котораго конецъ есть другой край неба. Подлинно ничто не укроется отъ теплоты живошорныхъ, всепроникающихъ лучей его. Послѣ сего величественнаго изображенія славы Бога, кто не повѣритъ, что: законъ Господень непоколебимъ; свидѣтельство Господне вѣрно, уму-

*дрялющее младенцы. Оправданія Господня
права, веселящая сердце. Заповѣдь Гос-
подня свѣтъ, просвѣщующая очи. Страхъ
Господень тистъ, пребывая въ вѣкъ вѣка.
Судбы Господни истинны, оправданнои вку-
пѣ; вожделеннои пате злата и камене те-
стна многа, и сладна пате меда и сота?*

Въ иномъ мѣсцѣ, по исчисленіи пѣж-
кихъ народа своего спраданій въ плѣну,
съ какимъ огнемъ и движеніемъ духа про-
сишь онъ Бога о избавленіи своемъ: *за-
не Тебе ради умерщвляема всѣ день, влѣни-
хомся яко овцы заколенія. Востани, вскую
спиши Господи? Воскресни и не отричи до
конца. Вскую лице Твое отвращаши? За-
бываеши нищету нашу и скорбь нашу? Яко
смирися въ персть душа наша, приле зем-
ли утроба наша. Воскресни Господи, по-
мози намъ, избави насъ имене ради Твоего.
Какія смѣлыя выраженія: вскую спиши Гос-
поди? Вскую лице Твое отвращаеши? За-
бываеши нищету нашу и скорбь нашу! Ка-
жется, какъ будто онъ укоряетъ Бога;
какъ будто говоритъ Ему нѣчто оскор-
бительное и дерзновенное. Но можетъ*

ли благость Божія оскорбитъся сими
взываніями, обнажающими предъ Нимъ
всю внутренность души, и которыхъ
смѣлосць родилась отъ сильнаго желанія
призвать Его къ себѣ на помощь? Мо-
жетъ ли чадолюбивый отецъ прогнѣ-
вашься на сына, вопіющаго къ нему всею
гласомъ любви и надежды своей на него?
Припворная любовь робка отъ опасенія,
чтобъ не проникли оную; истинная
любовь смѣла, отъ уѣбренности на свою
искренность. Колико сіи смѣлые вопро-
сы отъ персти, отъ червя, должны
всемогущему Богу быти пріятны въ смѣ-
шеніи съ сими уничиженными мольбами:
воззри на нищету нашу, смирися въ перств.
душа наша, приле земли чутроба наша:
воскресни, и не отрини до конца, воскресни
Господи, помози намъ, и избави насъ и мени
ради Твоего! Сіе соединеніе простыхъ и
смѣлыхъ выраженій вмѣстѣ съ усиль-
ными и уничиженными, естъ жаръ ки-
пящаго усердія, естъ разумнѣе чувство-
вашь и высокое искусство писашь.

Но кто исчислилъ всѣ красоты, находящія въ Священныхъ Писаніяхъ? Здѣсь, въ Псалтири замѣтили мы, какъ въ морѣ каплю воды, нѣсколько такихъ мѣстъ, въ которыхъ видно пареніе духа, выпренность мыслей и высота языка; но перейдемъ въ пѣсни пѣсней: тамъ найдемъ мы совсѣмъ другое: языкъ просиѣ, мягче, нѣжнѣе. На примѣръ сіе призываніе къ себѣ невѣсты исчисленіемъ весеннихъ прелестей: *востани, пріиди ближняя моя, добрая моя, голубице моя: яко се зима прейде. Дождь отиде. Цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія приспѣ; смоков изнесе цвѣтъ свой, виноградъ зрѣюще даша воню. Востани, пріиди ближняя моя, добрая моя, голубице моя, пріиди; яви ми знакъ твой, и услышанъ сотвори ми гласъ твой: яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой красенъ. Индѣ быспроша слога сопряжена съ нѣкоторою величественною нѣжностію, какъ на примѣръ въ сей рѣчи: *востани съверѣ, и сряди юже, и повѣй въ вертоградъ моеи, и да потекутъ ароматы моя; или въ сей:**

дщери Сіони извидите и видите Царя Соломона въ вѣнцѣ, илже вѣнца мати его, въ день обрученія, и въ день веселія сердца его. Многія крапкія рѣченія содержатъ въ себѣ силу, до какой простое нарѣчіе никогда возвыситься не можетъ. Возьмемъ сіе мѣсто въ пятой главѣ, гдѣ невѣста видитъ во снѣ жениха своего, пришедшаго въ бурную ночь къ дверямъ ея спальни, и просящагося войти къ ней. Она съ трепетомъ отворяетъ двери, но онъ сказавъ нѣчто, проходитъ мимо и спановившися невидимъ: *отверзохъ азъ брату моему* (слово брашъ приеѣмлетъ въ пѣсняхъ пѣсней за слово женихъ). *Братъ мой преjde. Душа моя извиде въ слово его. Взискахъ его, и не обрѣтохъ его, звахъ его, и не послуша мене.* Можно ли живость и силу чувствованія, при услышаніи голоса возлюбленнаго своего, выразишь лучше сего: *душа моя извиде въ слово его?* Какой новѣйшій языкъ скажетъ такъ сильно? Посмотримъ, на примѣрѣ, пожѣ самое выраженіе на Французскомъ языкѣ: *mon ame se raita de l'avoir ouï*

parler. Гдѣ въ семъ слабомъ сказаніи по живое, жаркое чувствованіе, какое пылаетъ въ рѣчи: *душа моя изыде оъ слово его?* Но мы устанемъ, приводя примѣры сихъ красотъ, сихъ выраженій краткихъ, сильныхъ, великолѣпныхъ: *братъ мой бѣло и герменъ, избранъ отъ темъ. Глава его злато избранно; власы его кудрявы, терны, яко вранъ. Ланиты его, аки фіалы ароматъ, прозябающія благовоніе. Устны его кринны, каплющія смирну. Лѣста его столпи мраморовы, основаны на степенехъ златыхъ. Гортанъ его сладость, и весь желаніе.* Сравнимъ сіе послѣднее выраженіе: *гортанъ его сладость, и весь желаніе*, съ Французскимъ: *son palais n'est que douceur, tout ce qui est en lui sont des choses désirables*, не почувствуемъ ли чрезмѣрной разности между сими двумя выраженіями? Сколько одно кратко и сильно, столько другое разшануто и слабо. Свойство нашего языка позволяетъ сказать прямо: *гортанъ его сладость.* Французъ, напрошивъ не можетъ сказать: *son palais douceur*; ему надобно непременно

включить шупъ ослабляющія рѣчь сію ненужныя намъ слова *n'est que* (не есть какъ). Мы можемъ сказать: *всѣ желаніе*; а онъ вмѣсто сего долженъ сказать: *все то, что есть въ немъ, суть вещи желаемыя*. Какое безполезное многословіе!

Что составляетъ краснорѣчіе, какъ не избранныя, богатые смысломъ слова, расположенныя такимъ образомъ, что услаждаютъ вмѣстѣ и слухъ и разумъ? Что составляетъ силу и высоту слога, какъ не краткость? Но чтожъ иное, какъ не по вездѣ примѣчаемъ мы въ языкѣ нашемъ? Сколько въ Сирахѣ, въ Припчехъ Соломоновыхъ, въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, въ Пророкахъ, въ посланїяхъ и проч. находимъ мы (не говоря о цѣлыхъ мѣстахъ, пребующихъ пространныхъ выписокъ) однихъ краткихъ, исполненныхъ разума рѣченій, такихъ, какъ: *законъ мудрому источникъ жизни*. — *Ярость царевы вѣстникъ смерти*. — *Муцъ въ устахъ носитъ разумъ*. — *Внѣцѣ хвалетъ старость*. — И почему подобныхъ?

Наконецъ обратимся ли отъ Библии къ молитвамъ нашимъ, къ священнымъ обрядамъ, сколько и тамъ найдемъ сильныхъ, краснорѣчивыхъ мѣснѣ? Чшо можетъ бытъ печальнѣе сего размышленія о смерти при погребеніи чловѣка: *млагу и рѣдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не млущую вида. О гудесе! что сіе еже о насъ бжесть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти? Во истинну Бога повелѣніемъ, и проч. Во многихъ Риторикахъ читаемъ мы примѣры извѣснаго въ краснорѣчіи украшенія, называемаго Запмословіемъ, кошорымъ влагаешся рѣчь во уста мертваго; но гдѣ найдемъ примѣръ жалоспнѣйшій сего при погребеніи лѣнія: *зряще мя безгласна, и бездыханна предлежаща, восплачьте о мнѣ братія и друзи, сродницѣ и знаеліи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапно найде на мя страшнѣй глѣб смертнѣй: но прїидите вси любящїи мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлова-**

ніслю. Къ судіи бо отхожду, идѣже
нѣсть лицепріятія: рабъ бо и владыка
вкупѣ предстоятъ, царь и воинъ, богатой
и убогой, въ равнолю достоинствѣ: кійждо
бо отъ своихъ дѣлъ, или прославится, или
постыдится, и проч.? Каждая рѣчь, каж-
дое слово пронзаетъ сердце.

Но неуже ли могу я изчислишь
всѣ красоты въ Священныхъ Писаніяхъ,
въ правоучительныхъ духовныхъ творе-
ніяхъ, въ житіяхъ святыхъ отецъ, въ
сочиненіяхъ Димитрія Ростовскаго, въ
проповѣдяхъ Теофановыхъ, Платоновыхъ
и проч? Не достанетъ моихъ на то ни
силъ, ни разума, ни жизни! И такъ оста-
вимъ сіе великое море тому, чей умъ,
для обогащенія своего, хочетъ въ немъ
плавать, спранспововать, собирать, и
обратимся къ прешьему нашему рассу-
денію.

СТАТЬЯ III,

Въ которой разсматривается, какими средствами словесность наша обогащается можетъ, и какими приходитъ въ уладокъ.

Мы разсмотрѣли въ первой статьѣ превосходныя свойства языка нашего. Мы показали во второй статьѣ употребленіе сихъ свойствъ въ красотахъ Священныхъ Писаній. Изъ сихъ двухъ разсмотрѣній довольно явствуетъ, что источникъ языка нашего богатъ коренными словами, изобиленъ въпвями отъ оныхъ, и что намъ для украшенія нынѣшняго нашего нарѣчія остается только черпать изъ онаго. Но распроспранившіеся ко вреду словесности толки о мнимои разности Славенскаго языка съ Рускимъ не только не дающъ ей процвѣпать, ниже пребывать твердою и постоянною. Сіи толки можемъ мы видѣть и читать во многихъ нынѣшнихъ книгахъ. И пакъ о семъ намѣренъ я распроспранить мое

слово. Хотя таковое изслѣдованіе излишне для ученыхъ мужей, составляющихъ Россійскую Академію; но не излишне оно для всего круга людей, упражняющихся въ словесности.

Ошкоть родилась неосновательная мысль сія, что Славенскій и Рускій языкъ различны между собою? Ежели мы слово *языкъ* возьмемъ въ смыслъ нарѣчія или слога, то конечно можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчающіяся нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ. Слово о полку Игоревомъ, Библия, Четви минеи, Несшорова лѣтопись, Теофановы проповѣди, Кантемировы сапиры, оды Ломоносова, сочиненія Пешрова, Богдановича, и проч., суть книги писанныя разными слогами и нарѣчіями, но языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же Славенской или Руской. Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви оныя произшедшія. Когда оныя въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки

различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣпвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ оцѣ корней языка своего удалось: тогда уже оно не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ. Гдѣжъ примѣчаемъ мы то въ нашемъ нарѣчіи? Мы не имѣемъ нынѣ двойсвеннаго числа, не говоримъ *ядоста, идоста, ногама, рукама*; но говоримъ *ядятъ, идутъ, руками, ногами*; мы у шѣхъ же самыхъ именъ и глаголовъ измѣнили только окончаніе: слѣдовательно разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нима-ло не уклонившемся чрезъ то оцѣ разума и свойствъ языка. Скажунъ: мы много имѣемъ двойкихъ именъ, изъ которыхъ однѣ Рускія, а другія Славенскія, на примѣрѣ по Руски *глазъ, лобъ, щоки, плети*, а по Славенски *око, тело, ланиты, рамена*. Но чемъ докажунъ мнѣ, что *глазъ, лобъ, щоки, плети*, суть Рускія, а не Славенскія названія? Сошлюнся ли на то, что ихъ нѣтъ въ Священныхъ

Писаніяхъ. Это не доказательство: не потому, что во всякомъ языкѣ есѣ сословы, слѣдовательно и въ нашемъ бышь должны. 2е, Что нѣкоторыя изъ нихъ и въ Священныхъ книгахъ попадаются. На примѣрѣ индѣ сказано *раменіи*, индѣ *плещи* или *плечи*. 3е, Священные книги обыкновенно пишутся высокимъ или важнымъ слогомъ, а потому хотя бы въ нихъ и не было нѣкоторыхъ словъ, это не отрицаетъ еще существованія оныхъ въ Славенскомъ языкѣ; ибо въ какомъ важномъ сочиненіи найдемъ мы *калякатъ*, *кобенится*, *задорится*, *пригорюнится*, *ошеломитъ*, *треснутъ въ рожу*, и подобныя тому простые или низкія слова? Весьма бы странно было признавать ихъ не Славенскими для того только, что ихъ нѣтъ въ высокыхъ твореніяхъ, въ которыхъ ихъ и бышь неприлично. Возмемъ Библию, лѣтописи, народныя сказки или пѣсни: въ каждомъ изъ сихъ трехъ родовъ сочиненій найдемъ мы разные слоги, разные нарѣчія, и множество словъ особливыхъ, въ другомъ родѣ не

существующихъ, но которыхъ корни одинаковъ находяпся въ общемъ языкѣ. всѣ сіи роды обѣмлющемъ. Мы конечно не найдемъ въ народномъ языкѣ ни *благонія*, ни *воздоепія*, ни *добледушія*, ни *древодѣлія*; а напротивъ того въ Библии не найдемъ ни *любтика*, ни *голубтика*, ни *удалаго добраго молодца*; однако не можемъ изъ сего различія заключить о разности языковъ. Всякое слово, какъ мы въ первой главѣ видѣли, пускаетъ отъ себя вѣтви, изъ которыхъ инныя приличны высокому, а другія простому нарѣчію или слогу. Изъ сего раздѣленія ихъ не слѣдуетъ утверждать, будто бы оныя не одно и то же дерево соспавляли. Могутъ еще сослаться на слова *лошадь*, *козпакъ*, *кутеръ*, *артиллерія*, *фортификація*, и проч.: но сіи столько же не Славенскія, сколько и не Рускія, потому что изъ чужихъ языковъ взяты. Чшо жъ такое Руской языкѣ отдѣльно отъ Славенскаго? Мечта, загадка. Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ

ни одного слова? Между тѣмъ однакожъ, не взирая на сію несообразную спрранность, многіе новѣйшіе писатели на семъ почно мнимомъ раздѣленіи основывають словесность нашу. Они не о томъ разсуждають, что такое-то слово въ такомъ-то слогѣ высоко или низко; такое сужденіе было бы справедливо; но нѣтъ, они о каждомъ словѣ особенно, не въ соспавѣ рѣчи, говорятъ: это Славенское, а это Руское. Сіе неудобовозможное раздѣленіе основывають они на томъ мечпательномъ правилѣ, что которое слово употребляется въ обыкновенныхъ разговорахъ, такъ то Руское, а которое не употребляется, такъ то Славенское. Утверждаясь на семъ мнѣніи, проповѣдують они, что всѣ Славенскія слова надобно исключитъ изъ нынѣшняго языка и писать, какъ говоримъ. Въ этомъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ совершенное краснорѣчіе. Они называютъ это *утонченною литературою* или *новою эпохою языка*, и все то, что до нихъ, или не по ихъ писано, опроверга-

ють, яко синарое и обвешшалоє. Разсмотримъ, основательно ли сіє ихъ умствованіє.

Мы доказали, что Славенской и Руской языкъ еспь одно и поже. А когда языкъ одинъ, то и нарѣчія онаго, хопя бы онѣ разнствовали между собою, не могушъ называться одно Славенскимъ, а другое Рускимъ; вѣ такомъ случаѣ предполагалось бы различіє вѣ сихъ двухъ языкахъ. Но положимъ, что мы для различенія прежняго и нынѣшняго нарѣчія назовемъ, хопя и несвойственно, одно Славенскимъ, а другое Рускимъ нарѣчіємъ. Станемъ разумѣшь подъ именемъ Славенскаго языка нарѣчіє Священнаго Писанія, а подъ именемъ Рускаго языка нарѣчіє свѣтскихъ книгъ. Вѣ чемъ состоишъ разность между сими двумя нарѣчіями? Безъ сомнѣнія вѣ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не вѣ раздѣленіи оныхъ на Славенскія и Рускія; ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіє раздѣленіє? Ежели назовемъ *воронъ, корова, воробей, молоко*, Рускими словами;

а *вранѣ, крава, врабій, млеко*, Славенскими; по за чѣмъ же говоримъ по Славенски *правѣ, врагѣ, владѣть, награда*; а не по Руски *норовѣ, ворогѣ, володѣть, нагорода*, какъ чинаемъ въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ? Ежели скажемъ, что *лѣпота* естъ Славенское, а *красота* Руское слово; по къ какому же языку причислимъ слово *великолѣтїе*? Буде къ Славенскому, шакъ по правилу сихъ проповѣдниковъ въ нынѣшнемъ нарѣчїи употреблять его не должно; а буде къ Рускому, по какимъ образомъ, не знавъ что *лѣпота*, будемъ мы знать что *великолѣтїе*? Ежели скажемъ, что глаголѣ *дѣлаю* естъ Руской, а *дѣю* Славенской; такъ за чѣмъ же говоримъ *злодѣянїе, злодѣй*? Таковыхъ затрудненїй могъ бы я представить множество. Какимъ же образомъ въ соспавѣ языка разберемъ мы что Славенское и что Руское? Обыкновенное противъ сего возраженїе людей, не чинающихъ ничего пзердаго, созидающаго въ насъ зрѣлость ума и разсудка, состоишь въ томъ, что когда они напи-

шупѣ десятка два бранныхъ противъ Славенскаго языка стишковѣ, и въ просыя рѣчи не ксшапи вспавяпѣ нѣскольکو высокихъ (называемыхъ Славенскими) словѣ, по и торжеспвуютѣ, думая, что они ясно доказали худостѣ сего языка. Имѣ до разбора свойствѣ онаго, до первоначальныхъ оснотаній, до кореннаго заключающагося въ словахъ смысла, и до всѣхъ подобныхъ обстоятельствѣ нѣпѣ никакой нужды. Они не изѣ книгѣ, писанныхъ учеными и знающими силу языка людьми, хошяпѣ учипься оному, но изѣ простонародныхъ разговоровѣ. По ихѣ мнѣнію говорящій нынѣшнимѣ нарѣчїемѣ спароспа црковный гораздо краснорѣчивѣе Преосвященнаго Теофана, говорившаго Славенскимѣ нарѣчїемѣ. У нихѣ только и вопросовѣ: не ужѣ ли намѣ говоришь: *аще бѣи теѣ не скоро возвратился, я бѣи не дождавшисѣ тебя, абїе ешолѣ домой?* Имѣ довольно поставилѣ не ксшапи *аще* и *абїе*, дабы возненавидѣть весь Славенскій языкѣ, какѣ будто онѣ и виноватѣ въ томѣ, что они упо-

треблять его не умѣютъ: По этому ежели я скажу: *несомнѣй бѣстрѣми конями рыцарь внезапно низвергся съ колесницы и расквасилъ себѣ рожу*, такъ будетъ Русской языкъ виноватъ, что я сказалъ на немъ такую нечепосъ? Нѣтъ, шутъ никакова языка винить не можно, а должно винить себя за то, что мы ни на которомъ изъ нихъ не умѣемъ прилично объясняться. Заключать же изъ подобныхъ доказательствъ о худости языковъ есть судъ объ оныхъ самый нечестивый. И такъ не Славенскій языкъ, отдѣляя отъ Рускаго, презираетъ; не слова онаго на Славенскія и Рускія раздѣляетъ; но какое слово какому слогу прилично, знаетъ надлежитъ. Ломоносовъ не спрашивалъ о словѣ *велегласно*, Славенское ли оно или Руское; но зналъ, что это высокое слово, и для того не сказалъ бы никогда въ разговорахъ съ пріятелями: *я, братецъ, велегласно зову тебя на гашку гаю*; но когда пришлось ему писать оду, такъ онъ самъ не усумнился сказать:

Сіе всѣ грады велегласно,
 Чшо время при тебѣ прекрасно,
 Монархія, живупі и чинітѣ,
 Сіе всѣ грады повпоряюнітѣ.

Онѣ не утверждалѣ, что надобно
 вездѣ вмѣсто *сіе* писатѣ *это*. Нѣпѣ!
 онѣ вѣ разговорахѣ конечно говаривалѣ:
это, мой другѣ, бездѣлица; но вѣ важ-
 номѣ слогѣ никогда вмѣсто: *сіе всѣ грады*
повторяютѣ, не казалѣ бы, *это всѣ грады*
повторяютѣ, какѣ мы нынѣ тысячи тому
 примѣровѣ найдемѣ онѣ премудраго про-
 повѣдыванія *иши, какѣ говоришѣ*. Держа-
 винѣ также вѣ просныхѣ разговорахѣ не
 казалѣ бы нигдѣ *ошую* и *одесную*, но
 когда сочинялѣ возвышеннаго рода стихи,
 тогда, не останавливаясь на разборѣ
 сихѣ словѣ, Славенскія ли онѣ, или Ру-
 скія, поставилѣ:

Тамѣ тысячи падутѣ ошую,
 Кровавая горитѣ заря,
 Тамѣ миліоны одесную,
 Покрыпы трупами моря.

Гдѣ сыщемѣ мы вѣ лучшихѣ нашихѣ пи-
 сателяхѣ и стихотворцахѣ отверженіе
 важныхѣ словѣ и различнаго окончанія

причастій, подѣ предлогомѣ, что вкусѣ не позволяетѣ употреблять ничего Славенскаго? Лагарпѣ, сравнивая Французской языкѣ съ древними, то есть Греческимѣ и Латинскимѣ, между прочими разсужденіями говоритѣ: „Греки имѣютѣ „ихѣ (причастія) во всѣхѣ временахѣ и „еще прозякія, то есть каждое изѣ нихѣ „съ прѣмѣя разными окончаніями. — Спросятѣ: на что такое множество? — „Вошѣ, сказалибѣ Греки, вопросѣ *варваровѣ*. Можетѣ ли бышѣ много разнообразія въ звукахѣ, когда хотимѣ ласкать „ухо? Стихотворцамѣ и краснословамѣ „досадно ли выбирать любое? „ Вотѣ какѣ разсуждалѣ Лагарпѣ. Также точно разсуждалѣ Ломоносовѣ, и всѣ подобныя ему писатели. Для доказательства сего приведемѣ нѣсколько примѣровѣ изѣ безсмертныхѣ его сочиненій:

Но вы, о коль благополучны,
 Москву поящія струи!
 Вы *ударяюти* во бреги тучны
 И проходя поля свои,

*Ликуйте, свѣтло веселитесь,
 Вы скоро, скоро насладитесь
 Богини щедрѣя огей.
 Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены,
 Видѣнія ея лишены,
 Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за ней,
 Сердцами пойдутъ и устами
 Въ восторгъ сладкомъ возгласятъ:
 Коль славными она дѣлами
 Петровъ разпространила градъ,
 И какъ о свѣтломъ оной взорѣ
 Возвеселясь подвигомъ море,
 И въ звуку приложило шумъ.*

(Ода 11).

*Отверзтіемъ священныхъ устъ,
 Трясущи сѣдиной вѣщаетъ.*

(Ода 12).

Но палъ, и трясугисъ о землю пыломъ билъ.

(Трагед. Мамай).

*Россію самъ Господь блюдетъ,
 Рукою онъ Елисаветы
 Противныхъ разрушитъ навѣтѣ.*

(Ода 2я).

*Богиня, коея державу
 Обнятъ не могутъ седмь морей.*

(Ода 3я).

Въ церквахъ, по *стогнамъ*, по домамъ,
Несчетно множество народу
Тремящу представляють воду,
Что гласъ возноситъ къ небесамъ,

(Сл. —).

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ *навергнутъ* тщится узы.

(Ода 13).

Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянетъ,
Соблещетъ молнія мечу.

(Ода 15).

Изъ сихъ немногихъ выписокъ видимъ мы, какъ много Ломоносову способствовало чтеніе священныхъ книгъ; ибо всѣ сіи выраженія: *ликуйте, свѣтло веселитесь, насладитесь богини щедрія огей, о свѣтломъ оной взорѣ возвеселясь подвиглось море*, также и слова таковыя, какъ *навергнутъ, соблещетъ, навѣтъ, стогна, почерпнушы опшуда*, а не изъ употребленія въ разговорахъ. Онъ не отвергалъ никакихъ причасій, но зналъ, гдѣ по мѣрѣ просшопы или высокости и силы выраженія должно сказать *ударяя, гдѣ уда-*

*ряюги, гдѣ трясуци, гдѣ трясутисѣ; не говорилѣ, что слова навѣтъ, стогна, седмѣ, должно выкинуть изъ языка для того, что онѣ въ разговорахъ не употребляются; знаѣ, что глаголѣ *навергнутѣ* еѣ возвышенномѣ слогѣ приличнѣе, нежели равнозначущіе ему глаголы *накинутѣ, наложитѣ, наброситѣ*; вѣдалѣ, что *молнія соблещетѣ мегу* гораздо сильнѣе и краснорѣчивѣе, нежели *молнія блистаетѣ влѣстѣ сѣ мегемѣ*.*

Главнѣйшая сила и богатство языка нашего въ томѣ состоитѣ, что мы имѣемѣ великое изобиліе высокихъ и простыхъ словъ, такѣ, что всякую важную мысль можемѣ изображать избранными, а всякую простую обыкновенными словами. Сіе изобиліе языка нашего требуетѣ отъ насъ такого вѣ прибираніи словъ искусства, какое должны имѣть продавцы жемчужныхъ нишей: малѣйшая худость или неравенство одной жемчужины сѣ другими уменьшаетѣ вѣ глазахъ знатока цѣну всей нишки. На

примѣръ *раменѣ* и *плети* суть два слова, оба не низкія; но возмемъ слѣдующій стихъ Ломоносова:

Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тягошу земли превыше облакъ вскинулъ.
Могъ ли бы Ломоносовъ вмѣсто: *и ра-*
менѣ подвигнулъ, сказать здѣсь: *и плети*
подвигнулъ? Отнюдь нѣтъ. Такое вы-
раженіе обезобразило бы стихъ его. Но
Херасковъ во Владимирѣ могъ сказать:

Лежатъ ея власы, какъ злато по плечамъ.
Для чего въ стихъ Ломоносова надле-
жало непременно сказать *раменѣ*, а въ
стихъ Хераскова можно было употре-
бить *плети*? Для того, что въ первомъ
изъ оныхъ всѣ прочія слова суть высо-
кія: *напрягся, мышцы, подвигнулъ*; слѣдо-
вательно мысль и слова въ немъ гораздо
выше, нежели въ стихъ Хераскова; а по-
тому равенство слога и требовало соче-
танія одинакой высоты словъ.

Когда оды требуютъ нѣкоего воз-
вышеннаго слога, то поэмы и подобныя
тому творенія еще болѣе. Откуда же
возмемъ мы высокой слогъ или языкъ,

когда не станемъ почерпать оный изъ единственнаго источника Священныхъ Писаній? Возмемъ почти сряду нѣсколько стиховъ изъ первой пѣсни Владиміра, поэмы Хераскова:

Руци, Господи, мнѣ *руци*: въ Тебѣ да будетъ свѣтъ!

И важну пѣснь мой духъ во свѣтѣ воспоешь.

Руци, есть Славенское выраженіе.

Жрецы подѣ именемъ боговъ народомъ правяшъ;

Глаголю ихъ Царя вселенныя безславяшъ;

Возпламеняюшъ ихъ *гаданія* войну,

Ихъ руки продаюшъ за *злато* тишину,

Изъ идольскихъ щедротъ позорну *куплю* дѣютъ,

Корысти собственной, не пользѣ душъ радѣютъ.

Глаголю, гаданія, злато, куплю дѣютъ, суть тоже Славенскія выраженія.

Поработилъ себя презрѣнному *кумиру*

Не Богу вышнему, *работалъ* илѣнну міру.

Кумиру, по Славенски, по просту болвану; *работатъ* колу, тоже есть Славенское выраженіе.

Отъ сей спасительной и *гистыя* струи

Меня, о мужъ *святѣй*, при жаждѣ *напой*.

*Отъ гистга, святый, напои, все это Сла
венское; по просту изъ гистой, святой,
напой.*

Болѣзненно сіе Владимиру велѣнье.

*Болѣзненно, поже Славенское; ибо мы въ
просторѣчи не говоримъ: мнѣ болѣзненно,
а говоримъ болно, тяжело, досадно, или
шому подобное.*

*Тогда рассыпались вездѣ клеветы ихъ,
На жертву привлеци во храмъ мужей свя-
тыхъ.*

*Клеветы, привлеци, поже Славенское,
по просту товарищи, притащитъ.*

*Текутъ на верхъ горы, какъ вихри, пыль
вѣюща
Въ сердцахъ свирѣпый гнѣвъ, въ колчанахъ
смерть несущи.*

ИЛИ:

*Какъ древній дубъ зимой, илѣющъ свѣжій
видъ.*

ИЛИ:

*Но жрецъ Пламидъ прервалъ молчаніе свое,
И яростью кипящъ, невиннымъ рекъ сіе.*

*Всѣ сіи причастія: вѣюща, несуща, илѣющъ,
кипящъ, суть Славенскія, неупотреб-
ляемыя въ простыхъ разговорахъ.*

Священная *тета* когда вступила въ храмъ,
Молчаніе *крилъ* разпространило тамъ.

Тета, *крилъ*, поже Славенское; по про-
сту *паротка*, *квилля*.

Страхъ нѣкій на *телахъ* у всѣхъ изобра-
зился,
А праведниковъ *ликъ* сіяньемъ озарился.

ИЛИ:

Ланиты тскомъ слезъ имѣя орошенны,
Власы по *раменамъ* волнами разпущенны.

ИЛИ:

Двѣ души правѣдныхъ оставивъ *тѣлеса*,
На радужныхъ *крилахъ* лешятъ на небеса.
Уже предѣловъ *тѣхъ* касаются они,
Гдѣ огненна вода, гдѣ влажные огни;
Гдѣ *вселелѣніе* божественнаго міра
Сосшавленна изъ звѣздъ небесна славитъ
лира.

Сколько здѣсь Славенскаго: *тело*, *ликъ*,
ланиты, *власы*, *рамена*, *тѣлеса*, *крилъ*,
вселелѣніе! Какая пища для посмѣянiя и
хулы *тѣмъ*, копорые оприцаются отъ
сего языка!

Одѣянъ свѣтлою небесною зарей.
Одѣянъ! и здѣсь Славенское; по разговор-
ному *одѣтѣ*.

Мной крестъ Спасителевъ воздвигнутъ
Россамъ стунѣ;

Не мыслятъ о Тебѣ, но мыслятъ о Перунѣ.
Витунѣ! этова слова не говорятъ въ раз-
говорахъ, скажутъ тѣ, кошорые разго-
ворнымъ языкомъ пишутъ поэмы.

Многоогитвля не движущся колеса.

Многоогитвля, Славенское.

Померкли свѣтлые небесные огни,

И *вспятъ* подвиглися со шрепешомъ они.

Вспятъ, Славенское.

Изъ сего начала поэмы можемъ уже
видѣшь, какъ необходимъ былъ Херас-
кову Славенскій языкъ, не говоря о томъ,
что и всѣ прочія слова не пересшаютъ
быть Славенскими олъ шого, что однѣ
изъ нихъ употребительнѣе въ разгово-
рахъ, нежели другія. Хорошо ли бы сей
знаменитый стихотворецъ сдѣлалъ, если
бы вмѣсто *рцвѣ Господи*, гоняясь за про-
снопою словъ, поставилъ: говори Гос-
поди? Если бы вмѣсто *многоогитвля* ска-
залъ *многоглазвля*, вмѣсто *вспятъ* *подвигли-*
ся, назадъ попятились, и шому подобное?
Возмемъ еще сколько нибудь стиховъ
изъ другихъ нашихъ хорошихъ стихотво-
реній, на примѣръ изъ Дмитріева:

И ты (Москва) съ лица земнаго круга,
Едва не скрылась отъ огесѣ.

*Лице земли, огеса, сущь Славенскія выра-
женія.*

Откуда шумѣ? прикиши ухомѣ
Рскѣ воинѣ, вѣ думу погруженѣ.

ИЛИ:

Здѣсь бурный конѣ съ копьемѣ во гревѣ.
Ркѣ, конѣ, грево, (по просту: сказать,
лошадь, брюхо), сущь Славенскія слова,
то есшь неупотребительныя вѣ разгово-
рахѣ.

Тамѣ двѣ юная трепещетѣ;
Тамѣ старецѣ смотритѣ вѣ небеса,
И кѣ хладну сердцу всю клонитѣ.

ИЛИ:

На немѣ два мужа изнуренны,
Какѣ тѣни вѣ адѣ заключенны,
Сидятѣ склонясе на дланѣ главой,
Единой младѣ, другій съ брадой.

Ежели отъказывашься отъ Славен-
скаго языка и писатѣ по разговорному,
такѣ уже надобно говоритѣ *молодая*
дѣвка дрожитѣ, а не юная двѣ трепещетѣ,
кѣ холодному сердцу шего гнетѣ, а не кѣ
хладну сердцу всю клонитѣ; опустя голову

*на ладонь, а не склоняса на длань главою;
одинъ молодѣ, другой съ бородою, а не
единей младѣ, другій съ брадой.*

Можемъ бытъ съ нѣкошорымъ излишесловомъ разпространился я въ показаніи примѣровъ, что мы безъ Славенскаго языка ничего важнаго и краснорѣчиваго написашъ не можемъ; но мнѣ нужно было сдѣлать сіе оцущительнымъ, дабы показать, что мы не иное что подъ Славенскимъ языкомъ разумѣемъ, какъ шотъ языкъ, который выше разговорнаго, и которому слѣдственно не можемъ иначе научишся, какъ изъ чтенія книгъ. Какое иное опредѣленіе сдѣлаемъ мы Славенскому языку? Когда же сіе есть истинное и единственное опредѣленіе его, то само по себѣ явствуетъ, что онъ есть высокій, ученый, книжный языкъ. И такъ чтожъ подумашъ о тѣхъ провозвѣстникахъ новаго краснорѣчія, которые вопіюшъ прошивъ него, утверждая, что Руской языкъ различенъ отъ Славенскаго, и что надобно всегда и вездѣ писать

по разговорному? Знаютъ ли они, что такое краснорѣчіе, что Руской, и что Славенской языкъ? Употребленіе нѣкоторыхъ словъ онаго не тамъ, гдѣ должно (въ чемъ состоишь единственное ихъ прошивъ него доказательство), не похоже ли на то, какъ бы женщина доказывала худость алмазовъ тѣмъ, что они повѣшенные у нея на носу и на губахъ безобразятъ ее? Но ктожъ ей велитъ вѣшать ихъ не тамъ, гдѣ прилично? Должно ли для того, что она не умѣетъ украшаться ими, превратить всѣхъ ихъ въ простые камни? Поищемъ сперва, откуда такое неосновательное мнѣніе возникнуть могло, а потомъ изслѣдуемъ, понимаютъ ли сіи наставники сами силу своего наставленія? Начало онаго, какъ мнѣ кажется, произошло отъ двухъ слѣдующихъ причинъ: 1е удивительное наше къ Французскому языку пристрастіе, и отъ того такой сильной въ немъ навывъ, что весьма немалая часть пишущихъ и читающихъ у насъ людей удобнѣе по-

нимаешь Французскую, нежели Славенскую книгу. Сія трудность разумѣнія сочиненія на собственномъ языкѣ своемъ происходитъ отъ малаго упражненія и чашенія на ономъ. Мы не можемъ никакимъ образомъ отпереться или утаить отъ себя сію истину, потому что уже никакое широкое покрывало не можетъ закрывать ее отъ очей нашихъ. Мнѣ самому случалось неоднократно слышать, что нѣкоторые Рускіе, пишущіе и разсуждающіе прекрасно о Французской словесности, заглянувъ нечаянно въ Рускую книгу, спрашивали о значеніи словъ *мгла*, *крамола* и *поколику*. Одна Руская дѣвица подѣ шестьдесятъ барыня, разговаривая какимъ-то образомъ на своемъ языкѣ, принуждена была остановиться и спросить, какъ по Руски сказать *vainqueur*. Другая, весьма остроумная женщина, умѣющая съ разборчивостію цѣнить всѣхъ Французскихъ писателей, слушая Рускіе списки, чистосердечно признавалась, что она о Руской словесности судить не мо-

жетъ, и винила въ томъ свое воспита-
 ніе. Изъ сего можно посудить, что та-
 кое для многихъ изъ насъ Славенскія
 книги? Не Поелику сія легкость Фран-
 цузскаго языка, почти одинакая въ кни-
 гахъ и въ разговорахъ, весьма соблазни-
 тельна для шѣхъ, которые не любятъ
 много трудиться и размышлять, по-
 оная и подала поводъ къ спраннымъ во-
 ображенію, что будпо мы обогатимъ и
 успановимъ языкъ свой, когда отрек-
 шись отъ многихъ свойствъ и словъ
 снаго, обрѣжемъ его, по образцу Фран-
 цузскаго языка, и все то, что въ немъ
 высокое и важное, выбросимъ, а оспаль-
 ное дополнимъ ихъ словами, и назо-
 вемъ это *Рускимъ языкомъ*. Очень хо-
 рошо! Но подумано ли при семъ, что
 обрѣзать такимъ образомъ языкъ по
 образцу другаго языка, есть точно та-
 кая же невозможность, какъ обрѣзатьъ
 у челоѣка носъ по образцу носа дру-
 гога челоѣка. Сіе сравненіе не выра-
 жаетъ еще достаточно спранныости та-
 коваго намѣренія. Мы видѣли, какія раз-

личные свойства и какое великое преимущество языкъ нашъ имѣетъ предъ тѣмъ языкомъ, съ которымъ мы его сравнить хотимъ; а потому, ежелибъ и можно было обрѣзать его по образцу онаго, то и тогда потеряли бы мы много, а не приобрѣли. Языкъ нашъ по природѣ громокъ и важенъ въ великолѣпныхъ, пріятенъ и сладокъ въ проспыхъ описаніяхъ. Изобиліе и богатство его такъ велико, что онъ высокую рѣчь говоритъ совсѣмъ отличными словами опъ проспой рѣчи; иначе по свойству его она бы и не могла быть высокая. И такъ желаніе нѣкоторыхъ новыхъ писателей сравнить книжный языкъ съ разговорнымъ, то есть сдѣлать его одинакимъ для всякаго рода писаній, не похоже ли на желаніе тѣхъ новыхъ мудрецовъ, которые помышляли всѣ состоянія людей сдѣлать равными? Одни хотѣли, чтобъ высокой и широкогрудый мужичинища былъ равенъ силою и ростомъ съ сухощавымъ карликомъ, а другіе хотятъ, чтобъ одинакая была сила языка, въ опи-

саніи драки пѣтуховѣ и драки •исполн-
новѣ. Какѣ можно изтребленіе всѣхѣ ко-
ренныхѣ словѣ языка почипати обога-
щеніемѣ онаго? Можетѣ ли рѣка быть
многоводна отѣ загражденія всѣхѣ ея
испичниковѣ? Какѣ можно самопроиз-
вольныя, безѣ всякаго разсмотрѣнія и
разсужденія перемѣны въ языкѣ назы-
вати установленіемѣ онаго? Можетѣ ли
стѣна быть тверда отѣ безпрестан-
наго выниманія изѣ оной старыхѣ и вкла-
дыванія новыхѣ камней? Давно ли писали
Ломоносовѣ, Херасковѣ? Уже находятѣ
въ нихѣ множество обѣщальныхѣ словѣ!
Черезѣ десятиѣ лѣтъ состарѣются шѣ,
которыя нынѣ почищаются новыми. Че-
резѣ десятиѣ другихѣ лѣтъ опять новое
сужденіе о словесности, новая браковка
словамѣ. Это называется вкусомѣ, уста-
новленіемѣ языка! Но кто сіи устано-
вители? Нѣсколько журналистовѣ, неиз-
вѣстныхѣ ни именами своими, ни прудами;
нѣсколько молодыхѣ людей, на-
учившихся превратно видѣшь вещи. Ме-
жду шѣмѣ, ежели послушаетѣ ихѣ, ош

они превеликіе просвѣпители, всѣхъ
 прежнихъ писателей ни во что ставяишъ,
 себя однихъ выше небесъ превозносяишъ,
 и тѣхъ, которые разсуждаюшъ иначе о
 языкѣ и словесности, называютъ вкусо-
 борцами, обращающими просвѣщеніе и
 науки во тьму и невѣжество. Такъ ча-
 сто люди своими грѣхами упрекаюшъ
 другихъ! Однакоже какъ бы такое ум-
 ствованіе ни просперлось далеко, оно
 рано или поздно потеряешъ къ себѣ до-
 вѣренность; пошому чпо никакая ложь
 не обладаетъ долго умами. Нѣтъ! не
 сближеніе съ Славенскимъ языкомъ, но
 удаленіе отъ онаго ведетъ насъ къ
 испинному упадку ума и словесности.
 Уже и такъ много мы удалились отъ
 него, много разперяли понятій. Надле-
 жало бы обратиться къ нему съ любо-
 вію, а не отвращаться отъ него съ пре-
 зрѣніемъ. Надлежало бы углубилъ ра-
 зумъ свой въ изслѣдованіе мыслей, за-
 ключающихся въ словахъ; а не отвер-
 гашъ все то, чего мы не слыхали, и
 чего, не чишая книгъ, и слышать не мо-

жемъ. Да позволено мнѣ будетъ въ до-
казапельство, какъ много ошѣ невника-
нія въ значеніе словъ бѣднѣемъ мы въ
мысляхъ, предложитъ здѣсь разсужденіе
о какомъ нибудь словѣ, на примѣрѣ о гла-
голь *доитъ*. Для удобнѣйшаго обьясненія
мыслей моихъ, я представлю оное въ
видѣ разговора между двумя человекѣми,
изъ копорыхъ одного назовемъ *Рускимъ*,
а другаго *Славениномъ*.

Слав. Что собственно значитъ гла-
голь *доитъ*?

Рус. Выжимають молоко изъ сосцевъ
какого нибудь живошнаго. На примѣрѣ
говорится: *баба доитъ корову*.

Слав. Можно ли сказать? *корова до-
итъ молоко*?

Рус. Можно.

Слав. Однако въ сей рѣчи глаголь
доитъ не значитъ: *выжимать* молоко?

Рус. Нѣтъ.

Слав. Чтожъ значитъ оный?

Рус. Просто давать или изливать.

Слав. Можно ли сказать: *мать до-
итъ младенца*?

Рус. Нѣтъ.

Слав. Для чего же нѣтъ?

Рус. Для того, что такъ не говорится.

Слав. Почему не говорится?

Рус. По тому, что въ этихъ словахъ нѣтъ никакой мысли.

Слав. А мнѣ кажется, вы отъ того такъ не говорите, что о словахъ, составляющихъ языкъ, мало разсуждаете; и что ежели бы разсуждали болѣе, то непременно бы и говорили.

Рус. Можетъ быть; но чемъ вы это докажете?

Слав. Собственными вашими словами: сказали вы, что въ рѣчи: *корова доитъ молоко*, глаголъ *доитъ* значить *изливаетъ*?

Рус. Сказалъ.

Слав. Почему же, когда она изливаетъ его въ подойникъ, такъ это *доитъ*, а когда изливаетъ его въ ротъ къ теленку, такъ это не *доитъ*? Одинакія дѣйствія всегда одинакими словами вы-

ражаются. Весьма бы странно было въ рѣчи: *рѣка течетъ въ море*, глаголѣ течетъ знать, а въ рѣчи: *рѣка течетъ въ озеро*, не знать онаго.

Рус. Стало бышь по вашему, *корова доитъ теленка*, значить, что она его питаетъ?

Слав. Безъ сомнѣнiя, и по моему и по вашему, потому что у насъ одинъ языкъ.

Рус. Но вы сказали: *мать доитъ младенца*?

Слав. А развѣ корова не мать, а теленокъ не дитя? Развѣ одна корова можетъ изливаетъ изъ сосцевъ своихъ молоко, а мать или кормилица не можетъ?

Рус. Да, конечно. Противъ этого не лзя спорить.

Слав. А когда не лзя спорить, такъ и прежняго употребленiя глагола сего въ семъ смыслѣ отвергать не можно: *взя же отрога на руки жена, и абикъ ней, яко къ матери своей прилѣнися, она же дояше я.* (Чеш. мин. л. 93). Въ

молитвенникѣ сказано о Христѣ, бывшемъ еще во младенчествѣ: *его же зряще Богоуочни отцы веселятся, съ пастырскими поюще дѣву доящую, т. е. Богоматерь пиющую его отъ сосцевъ своихъ.* На что вы хотите уменьшать свои понятія и съ ними шеряшь способы объясняться? Вы видите, что слово сіе существовало въ языкѣ, и что употребленіе его основано было на почномъ разумѣ и значеніи онаго.

Рус. Вижу.

Слав. Для чего же не слѣдуете тому употребленію, котораго опорочишь никакимъ образомъ не можете?

Рус. Я думаю для того, что мы тожѣ самое иными словами объясняемъ.

Слав. Можеть бытъ. Но какимъ же словомъ замѣните вы глаголѣ *дойтъ* въ выраженіи: *мать доитѣ младенца?*

Рус. Я скажу *кормитѣ*.

Слав. Глаголѣ *кормитѣ* не выразитѣ мысли, заключающейся въ глаголѣ *дойтъ*, пошому что можно младенца кормишь

хлѣбомъ, кашею и другими многими ясишвами.

Рос. Я скажу: *кормитъ грудью.*

Слав. Вы тогда первое употребите два слова; а второе, что и сими двумя словами не замѣните глагола *доитъ*; ибо можно еще кормить жареною грудью или грудинкою какого нибудь животного, напримѣръ барашка.

Рус. Я скажу: *кормитъ изливаетъ изъ груди своей молоко.*

Слав. Подумайте же, сколько словъ должны вы сказать для точнаго объясненія того, что выражали мы однимъ словомъ *доитъ*! И такъ когда я вамъ доказалъ: 1е, Что слово сіе употреблялось. 2е, Что употребленіе сіе было справедливо и на самомъ разумѣ языка основано. 3е, Что вы безъ сего слова не можете заключающуюся въ немъ мысль выразить иначе, какъ многими словами: то чемъ же оправдаете нынѣшнее неупотребленіе онаго? Развѣ только шѣмъ, что вы по одному навыку и наслышкѣ судите о словахъ, не стараясь нимало

выводить знаменованія оныхъ' изъ книгъ и свойствъ языка? Но простремъ далѣе наши разсужденія: какія вѣщыви или производныя имена произошли отъ глагола *доитъ*.

Рус. Многія. На примѣръ *отдоитъ*; говорится: *корова отдоила*.

Слав. Что разумѣете вы подъ симъ словомъ?

Рус. Перестала *доитъ*, то есть давать молоко.

Слав. Стало бытъ можно сказать: *корова отдоила теленка*, то есть перестала ему давать молоко?

Рус. Да, я думаю можно.

Слав. А можно ли сказать: *кормилица или мать отдоила своего младенца*?

Рус. Нѣтъ.

Слав. Для чегожъ нѣтъ? Когда подъ словами: *корова отдоила теленка*, разумѣется, что она перестала ему давать молоко; такъ почему же нельзя тогожъ самаго сказать о кормилицѣ, когда она перестанетъ младенцу давать молоко, или онъ отъ груди ея отнимется? Разумѣ

ищетъ помощію сцѣпленія близкихъ понятій разпространяють языкъ, а не стѣсняють предѣлы его превращеніемъ общихъ понятій въ частныя. Ежели водъ свойственна *обливаетъ*, такъ почему же свойственна ей обливать одного только человека, а не камень, или дерево, или чтонибудь иное? Тоже можемъ сказать и о глаголъ *доитъ*? Почему относите вы его къ однимъ коровамъ? Онъ долженъ относиться ко всему, что имѣетъ у себя сосцы и молоко.

Рус. Развѣ прежде говорилось *отдоитъ младенца*?

Слав. Безъ сомнѣнія. Въ слѣдующемъ примѣрѣ: *да не узритъ отдоснія скотовъ, ниже прибитка и масла кравія* (Іовъ 20, 17), говорится о коровахъ; а въ слѣдующемъ: *сотвори Авраамъ утрежденіе* (то есть пиршество) *веліе, въ онъ же день отдосна Исакъ сынъ его* (Быт. гл. 21) говорится о младенцѣ, котораго опняли онъ грудей кормилицы.

Рус. Мы не можемъ такъ говорить для того, что нарѣчіе перемѣнилось.

Слав. Это до нарѣчія совсѣмъ не касается. Ежелибъ я вамъ сказалъ: *говорише точно, въ онъ же день отдоися*, тогда бы я говорилъ о нарѣчіи. Но я не принуждаю васъ говорить *онъ* вмѣсто *онъгй*, или *отдоися* вмѣсто *отдоился*; а говорю о словѣ существующемъ въ вашемъ нарѣчіи, и рассуждаю, что оно значить въ языкѣ, и какія понятія выражаетъ удобно. Развѣ ваше нарѣчіе запрещаетъ вамъ рассуждать?

Рус. Нѣтъ не запрещаетъ.

Слав. Хорошо: такъ станемъ же продолжать разговоръ нашъ. Не знаете ли вы другихъ какихъ вѣтвей, производящихъ отъ глагола *дойтъ*?

Рус. Знаю: *подойтъ, надойтъ, подойникъ, удой*.

Слав. Всѣ ли сіи вѣтви употребительны?

Рус. Всѣ. Мы говоримъ: *подойтъ корову. Надойтъ цѣлой дойникъ*. Наша корова даетъ въ два *удоя* цѣлое ведро молока.

Слав. Очень хорошо. Только жаль, что дѣло идетъ все о коровахъ. Нѣшнѣ ли еще какихъ вѣшнѣвей?

Рус. Я другихъ не знаю.

Слав. Напрасно не знаете. Есть и другія: *воздоитъ*, то есть воспитать, вскормить; ибо мы уже видѣли, что *доитъ младенца* значитъ питать, кормить его *изливаемымъ изъ сосцевъ молокомъ*. Слѣдовательно глаголъ *воздоитъ* еще богашѣе мыслями, нежели глаголъ *воспитать*, потому что именно означаетъ первоначальную пищу младенца, то есть молоко. *Хочешь ли призову ти жену кормилицу отъ Еврей, и воздоитъ ти отрока?* или: *соблюди ли отрока и воздой ли е.* (Исходъ гл. 2). *Воздоенный, воспитанный. Долица, п. е. кормилица: отверзши же дщерь Фараонова ковтежецѣ, видитъ отрока красно плачущееся въ землѣ, и пощадѣ е, и рече, отъ дѣтей Еврейскихъ сіе: и хотящи илѣти его себѣ въ сына, повелѣ поискати ему долицу.* (Чет. мин. л. 19). Такимъ образомъ всѣ выше-помянутыя слова, какъ шѣ, которыя вы

знали, шакъ и шѣ, кошорыхъ не знали, производяшѣ, какъ сами видите, отъ одного корня, то есть отъ глагола *доитѣ*, и славянсквенно вы не можете отрицать, чтобъ всѣ оныя не составляли одно и то же дерево, и чтобъ дерево сіе не существовало въ языкѣ.

Рус. Не могу.

Слав. Посмотримъ же какія вѣтви въ семъ деревѣ у васъ употребительны или цвѣтушѣ, и какія не употребительны или посохли. *Доитѣ*, *отдоитѣ*, (корову), *подоитѣ*, *надоитѣ*, *подойникѣ*, *удой*, *цвѣтушѣ* еще; а *доитѣ*, *отдоитѣ* (младенца), *воздоитѣ*, *воздосенной*, *долица*, *посохли*.

Рус. Такъ точно.

Слав. Да не ужли вы въ нарѣчіи вашемъ только и оставяете то, что у насъ говорили однѣ коровницы? Самыя низкія слова; *подоитѣ* корову, *надоитѣ* молока, *подойникѣ*, и проч., вы знаете; а самыхъ благороднѣйшихъ, означающихъ воспитаніе, таковыхъ, какъ *воздоитѣ*, *воздосенной*, вы не знаете?

Рус. Мы не употребляемъ ихъ для того, что онѣ Славенскія.

Слав. Вы видите, что всѣ сіи слова, наподобіе вѣшвей дерева, произошли отъ одного корня. Какимъ же образомъ въ одномъ и томъ же деревѣ однѣ вѣшви называются вы березовыми, а другія сосновыми? Какъ? когда глаголь *дѣтитъ* употребляется говоря о коровахъ, такъ онъ Руской; а когда о матеряхъ или кормилицахъ, такъ онъ Славенскій? Вотъ подлинно самый ученый разборъ языковъ! Но посмотримъ далѣе: знаете ли вы, что значитъ глаголь *бавитъ*?

Рус. Нѣтъ, не знаю. Это не по Руски.

Слав. По крайней мѣрѣ разумѣете ли вы слѣдующую рѣчь: *пробави Господи милость Твою?*

Рус. Разумѣю. Это Славенская рѣчь.

Слав. А это какая: *мы и безъ денегъ можемъ пробавиться?*

Рус. Это Руская.

Слав. Итакъ у васъ *пробавится* Руское, *пробави* Славенское, а корень

сихъ словъ *бавитъ* никакое. Прекрасное разсужденіе о языкѣ! Да развѣ вы не стараешесь знать, отъ какого понятія производятъ употребляемые вами слова: *прибавитъ, убавитъ, забава*, и проч.?-

Рус. Это во первыхъ сопряжено съ великимъ трудомъ, а во вторыхъ и бесполезно, потому что всѣ такія слова, какъ *бавитъ*, почипающія обветшалыми.

Слав. Скажите мнѣ, ежелибѣ вы наняли такова учителя, которой бы сыну вашему твердилъ: носи суконный кафшанъ и полошмянную рубашку, но почитай за стыдѣ знать о шерсти и льнѣ, изъ которыхъ кафшанъ твой и рубашка составлены: какое бы заключеніе сдѣлали вы о семъ учителѣ?

Рус. Я бы согналъ его со двора.

Слав. Вы себя въ немъ вините. Но посмотримъ еще немного: извѣстены ли вамъ глаголь *садитъ*?

Рус. Нѣтъ.

Слав. Вы можете находить его въ книгахъ. Напримѣръ въ слѣдующемъ мѣстѣ: *приведосте ми* (говоришь Цылашъ

про Христа) *теловѣна сего, яко развращающа люди, и се азъ предъ вами истязавъ, ни единого обрѣтаю въ теловѣкѣ семъ вини, яже на ны вадите.* (Лук. гл. 23). Изъ сего вы видите, что глаголь сей существуетъ въ языкѣ, и припомъ еще существуетъ твердо, потому что пушилъ отъ себя многія опрасли. Извѣсны ли вамъ опрасли его?

Рус. Когда корень неизвѣстенъ, такъ и опрасли его не могутъ мнѣ быть извѣсны.

Слав. Не ужли не знаете вы словъ: *привадитъ, отвадитъ, повадится, повадка, невадно*, и проч.?

Рус. Какъ не знать? Это Рускія слова.

Слав. А *наважденіе, наваждатъ, сваждатъ, навадникъ, навадница, свада*, и проч.?

Рус. Не знаю. Это Славенскія.

Слав. Вы видите вездѣ въ языкѣ нашемъ семьи словъ. Чпожъ вы дѣлаете съ сими семьями? Коренныя или родоначальныя слова, отъ коихъ всѣ прочія про-

чія произрасли и получили знаменованіе и силу свою, вы отсѣкаете, а въ оспальныхъ, потерявшихъ чрезъ опнытіе у нихъ корня ясность значенія своего, не находите уже болѣе того родства и связи между ими, которыми сопрягла ихъ сама природа. Или, когда мы сіи семейства словъ уподобимъ древамъ, вы отрѣзываете у сихъ древъ корень, и когда вѣтви ихъ чрезъ то обезсилѣютъ, тогда вы еще многія изъ нихъ нарочно подсушаете, и хопите, чтобъ симъ образомъ составленный изъ деревъ сихъ лѣсъ, то есть языкъ вашъ, зеленѣлъ и процвѣталъ!

Рус. Употребленіе *тираннѣ*: оно дѣлаетъ вкусъ, а пропивъ вкуса никто не пойдетъ.

Слав. Мы послѣдовали употребленію тамъ, гдѣ разумокъ одобрялъ его, или по крайней мѣрѣ не пропивился оному. Употребленіе и вкусъ должны зависѣть отъ ума, а не умъ отъ нихъ; ибо ежели употребленіе и вкусъ спа-

нущь управляющь умомь, такь кто же будеть управлять ими?

Рус. Какь бы то ни было, но я знаю, что вкусь не позволяеть употребляющь ничего такого, что неупотребительно.

Слав. Вы часто ссылаешесь на употребленіе, но я сомнѣваюсь, чтобь вы имѣли ясное о семь словѣ понятіе.

Рус. По чему вы сомнѣваетесь?

Слав. Потому что оно имѣетъ весьма обширный смыслъ. Что такое употребленіе? Оно можетъ быть общее и частное: общее объемлетъ весь языкъ и всѣ времена; частное относится къ нѣкопору времени и нарѣчію. Сіе послѣднее есть вещь во первыхъ непостоянная, во вторыхъ неопредѣленная. *Непостоянная* потому, что мы не можемъ употреблять того, чего не знаемъ, и тогда только начинаемъ употреблять, когда узнаемъ: слѣдовательно что неупотребительно сегодня, то можетъ употребительно быть завтра. *Неопредѣленная* потому, что когда одинъ становится со вниманіемъ читать всѣ книги,

сколько ихъ есть въ языкѣ; другой безъ всякаго особливаго вниманія будетъ для любопытства читать одинъ только въ домоси; прешій ничего не будетъ читать: тогда понятія сихъ трехъ чловѣвъ о употребленіи словъ, будучъ совсѣмъ различны. Первый изъ нихъ спашетъ починать такія слова ясными и употребительными, о какихъ два послѣдніе совсѣмъ не знаютъ и не слышали; а потому, когда кто говоритъ: *это неупотребительно*, то надобно еще припомъ знать, подлинно ли отвергаемое имъ неупотребительно, или неупотребительно только по его свѣденіямъ и понятію. Отсюда явствуетъ, что частное употребленіе должно почерпаться изъ общаго, или иначе сказать, языкъ долженъ быть основаніемъ нарѣчію, а не нарѣчіе языку. Отъ перваго случая происходитъ хорошее употребленіе, отъ котораго нарѣчіе процвѣщаетъ; отъ втораго худое употребленіе, отъ котораго оно, не питаясь природными соками своими, скудетъ и сохнетъ. Первое изъ сихъ

употребленій есть плодъ труда и откровенія, второе плодъ лѣносности и заблужденія. Первое защищаеишь умъ и разсудокъ, второму покровительствуетъ подражаніе и навикъ. Часто сіи послѣднія на нѣкоторое время преодолеваютьъ, но владычество ихъ недолго продолжается.

Рус. Что хопите, то говорите; но я въ Руское мое нарѣчіе не приѣмлю ничего Славенскаго.

Слав. Вотъ самое лучшее возраженіе, прошивъ котораго никакія доказательства не успоють! Желаю вамъ счастья и успѣховъ. Я очень почипаю нарѣчіе ваше: оно есть истинное чадо Славенскаго языка, копорому онъ всю свою силу, крѣпость, богатство, краткость и великолѣпіе укрѣпляетъ въ наслѣдство; но когда вы, ссылаясь на оное, будете думать, что оно запрещаетъ вамъ разсуждать о знаменованіи словъ, и слѣдовательно не допускаетъ васъ знать и пользоваться сокровищами оупца своего, то я предвижу, что продолжая

такимъ образомъ поступать съ нимъ, вы приведете его на послѣдокъ въ великую бѣдность; ибо прошивно здравому разуму повѣришь, чтобъ такое нарѣчіе со временемъ не упало и не уронило всей процвѣтавшей на немъ словесности.

Мы прерываемъ здѣсь разговоръ Русскаго съ Славениномъ. Продолжая далѣе оный, безъ сомнѣнія Славенинъ могъ бы показать множество словъ и понятій, разтерянныхъ нами отъ невниканія въ языкъ свой, и пошому сдѣлавшихся неупотребительными. Онъ могъ бы показать, что сіе разтерянiе опчасу больше умножается, и что произходящая отъ того пустота въ языкѣ осмается пустою, или наполняется чуждымъ и несвойственнымъ языку нашему веществомъ, отъ чего онъ слабѣетъ и увядаетъ. Но довольно и того, что мы слышали отъ Славенина, дабы распространя оное на весь языкъ, почувствовать, сколь немаловажный чрезъ то дѣлается въ немъ ущербъ.

Взглянемъ теперь сокращенно на все сказанное нами въ семъ крапкомъ сочиненіи: мы видѣли, что языкъ нашъ изобиленъ, великолѣпенъ, крапокъ, силенъ, соспавленъ умомъ любомудрымъ изъ словъ и выраженій богатыхъ разумомъ. Мы видѣли, что сіи свойства его составляютъ въ Священныхъ Писаніяхъ высоту, до какой ни одинъ изъ новѣйшихъ языковъ достигнуть не можетъ. Мы видѣли, что лучшіе писатели и спихотворцы наши, обогатившіе Россійскую словесность, въ высокихъ твореніяхъ своихъ, подражая духу Священныхъ Писаній, говорили всегда тѣми же избранными словами и выраженіями, которыя нынѣ подъ предлогомъ Славенскихъ и неупотребительныхъ начинаемъ мы оставлять. Мы въ разговорѣ Рускаго съ Славениномъ видѣли ясно и очевидно, что съ отвычкою отъ употребленія оныхъ теряется богатство и сила языка. Вопросимъ же теперь: за чемъ оставляемъ намъ путь сей, и какой лучшей можемъ мы избрать? Отвѣтъ на сіе не

пруденъ. И такъ не оставяють сего пути, но держашься онаго, иши по немъ, разсуждають о коренномъ значеніи словъ, черпають изъ сего богатаго источника, возходятъ, какъ можно, далѣе къ началамъ онаго, суть единья средства къ *разпространенію, обогащенію и усовершенствованію* нашей словесности. Раздѣляють же языкъ на Славенскій и Рускій, изпребляють высокія слова и замѣняютъ ихъ простыми, опсѣкають корни и засушаютъ вѣтви въ деревьяхъ словъ, брають за образецъ краснорѣчія обыкновенный слогъ разговоровъ, презирають и не читають книгъ, заключающихъ въ себѣ источники языка, переводить изъ слова въ слово съ чужихъ языковъ рѣчи, гоняють за ихъ словами и забываютъ свои, суть конечно самыя легкія средства, не пребующія никакого труда и ученія, но между тѣмъ весьма сильныя къ стѣсненію, изнуренію, искаженію и безобразію языка нашего и словесности.

Присовокупленіе.

Мы дѣлаемъ сіе присовокупленіе къ рѣчи нашей по нижеслѣдующимъ причинамъ: выше сего сказали мы нѣчто о журналахъ; но какъ сія рѣчь долженствовала единовременно прочтена быть въ Академіи, шого ради соблюденіе краткости не позволило намъ много о семъ разпространиться. Между шѣмъ нужно упомянуть о томъ нѣсколько попространнѣе, шѣмъ паче, что опровергаемые нами толки не престають, ко вреду языка и словесности, время отъ времени вновь появляться. Хотя они сами по себѣ такъ неосновательны, что нѣтъ никакой надобности оговаривать ихъ, однакожъ для лучшаго въ томъ увѣрѣнія, не излишне будетъ привести ихъ предъ глаза читателя. Лагарпъ въ сочиненіяхъ своихъ выводилъ ясно, какой вредъ Французской словесности нанесли журналы, *сїи* (по словамъ его) *кропаеміе съ поспѣшностію листки, двадцать пять лѣтъ наводняющіе Францію.* Онъ между

прочимъ говоришь: „если бы особенно
 „разсмотрѣть ихъ, тогда бы можно
 „было почувствовать, что истинные
 „любители словесности не должны быть
 „обвиняемы ни брюзгливостію, ни излиш-
 „нимъ увеличиваніемъ вещей, когда изъ-
 „являютъ они столь великое презрѣніе
 „къ симъ зловернымъ непостыямъ, со-
 „дѣлавшимся пищею многолюдства. Мы
 „увидѣли бы, что изобрѣтатели оныхъ
 „часто не разумѣютъ знаменованія упо-
 „требляемыхъ ими словъ, не знаютъ,
 „какъ соспавить рѣченіе, не то гово-
 „рятъ, что скажутъ хотятъ, разпочають
 „на удачу художественныя названія, не
 „понимая оныхъ; пишутъ иносказанія, не
 „имѣя первоначальныхъ о томъ поня-
 „тій, и проч., (Lycée). Лагарпъ гово-
 ритъ совершенную правду: мы можемъ
 то судить по многимъ помѣщаемымъ въ
 журналахъ нашихъ сочиненіямъ, въ ко-
 торыхъ, отъ заблужденія ли ума, или
 отъ поврежденія сердца, столько же
 иногда не щадится нравственность,
 сколько и разумъ. Часто не знаемъ

мы сами слѣдствія нашихъ мнѣній. Что значитъ раздѣленіе языка нашего на Славенскій и Рускій? Раздѣленія сего (разсуждая о языкѣ въ прямомъ смыслѣ онаго) никакимъ образомъ доказать не можно, поелику оно не существуетъ. Итакъ выходитъ, что разумѣется подъ симъ языкѣ, духовныхъ и свѣтскихъ книгъ. На чтоужъ чуждаются намъ перваго изъ оныхъ и стараются приводить его въ забвеніе и презрѣніе? для того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что совлеченная единой сѣ прямого пути она непременно должна попасть въ оныя. Какое намѣреніе полагаешь можно въ стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобъ языкъ въры, ставъ невразумительнымъ, не могъ

никогда обуздывать языка страстей? Отсюда можетъ быть происходить, что всякое благонамѣренное и полезное сочиненіе, кажется, досаждаеиъ у насъ многимъ, и вооружаетъ противъ себя писателей, спарающихся всячески помрачить оное. Нѣкоторые изъ нихъ говоряиъ прямо, какъ умѣютъ; другіе же лукавствуютъ, и хотяиъ настоящее намѣреніе свое прикрыть нѣкою благовидностію; но сіе намѣреніе еще болѣе видно изъ подъ худаго ихъ покрывала. Во множествѣ журналовъ нашихъ (исключая можетъ быть не многіе) находимъ подъ именемъ *критикъ* такіа сужденія о языкѣ и словесности, которыя не только предъ цѣлымъ свѣтомъ, но и предъ двумя человекѣми изъясляиъ надлежало бы стыдиться. Главная цѣль ихъ состояиъ въ томъ, чпобъ стихами и прозою воиѣиъ противъ Славенскаго языка, не зная и не разумѣя, о чемъ идетъ дѣло, и въ чемъ состоиъ языкъ. Взавъ одно такое сочиненіе, могли бы мы въ каждой строкѣ, отъ перьвой до послѣдней, по-

казать неосновательность за неосновательностью, незнание за незнанием, неправду за неправдою, даже клевету (ибо часто господинъ или господа писатели сихъ нелѣпицъ, называемыхъ *критиками*, ссылаясь на страницу разсматриваемой ими книги, отъ того ли, что не поняли, или по надеждѣ, что не всякой спанетъ справляясь, говорятъ совсѣмъ не то, что на сей страницѣ сказано, и такимъ образомъ, выдавая свое за чужое, сами прошивъ себя возражающъ); мы могли бы во многихъ подобныхъ сему опущенныхъ неправдахъ ясно уличить; но такое подробное показаніе не стоить того, чтобъ терять на оное труды и время. Для того выпишемъ только нѣкоторыя мѣста и рѣчи, дабы мимоходомъ взглянуть, какимъ образомъ сіи безъименные крипики (столько еще остается въ нихъ спыда, что они скрываютъ имена свои) толкуютъ о языкѣ и словесности. Вотъ какъ: „*Россійской языкъ* происходитъ отъ Славенскаго тогню *также, какъ Французской отъ Латин-*

скаго.,, (Неоспоримая правда! съ тою только разностию, что ни одинъ Французъ, не обучась Латинскому языку, не разумѣетъ онаго; а у насъ всякой безграмотной мужикъ заспавляетъ грамотнаго сына своего читая предъ нимъ Прологъ, Честію Минею и другія духовныя книги, разумѣя и слушая его съ удовольствіемъ). — *„Мы на нашемъ языкѣ никакихъ не имѣли сочиненій до временъ Петра Великаго.,,* (Мнѣ кажется, ежели бы кто и ничего, кромѣ романовъ, комедій и журналовъ, не читалъ, такъ и тотъ не могъ бы сего сказать; ибо не ужъ ли онъ даже и не слышалъ, что у насъ есть Русская правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ, древняя Вивліюѳика, лѣтопись Несторова, Никонова, Сильвестрова, Псалтырь, Евангеліе, и множество духовныхъ книгъ, сочиненныхъ и переведенныхъ задолго до Петра Великаго? Какъ все это опровергать и не поставятъ въ число книгъ, для того только, что не было журналовъ и комедій?) *„Языкъ, ко-*

„торомъ говорили мѣ (до Петра Вели-
 каго), давно уже отдѣлился отъ Славенскаго
 введеніемъ множества Татарскихъ словъ и
 выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ.,,
 (Вотъ какое раздѣленіе полагаютъ и за-
 щищаютъ! нѣсколько словъ, вошедшихъ
 въ просонародное нарѣчіе, прие́млетсѣ
 за основаніе новаго языка! гдѣ же пока-
 жутъ мнѣ сіе множество Татарскихъ
 словъ и выраженій въ Библии, въ Тео-
 фанѣ, въ Ломоносовѣ, въ Херасковѣ, и
 проч? Но положимъ, что числопа языка
 нашего и повредилась нѣсколько опъ при-
 нятія въ него иностранныхъ словъ, слѣ-
 дуешь ли изъ того утверждать, что
 нечислой языкъ сталъ лучше числаго?)—
 „Можно ли назвать однимъ и тѣмъ же
 языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно, хо-
 тя непосредственно происходитъ отъ дру-
 гаго, но смѣшано съ третьимъ сужде́мъ,
 и притомъ изпорчено пятистлѣтнимъ
 употребленіемъ? къ чему величается на-
 званіемъ, намъ не принадлежащимъ?., (Вотъ
 какія умспвованія! говорятъ, что мы лю-
 ди, потомки нашихъ предковъ, и что

имѣемъ свой языкъ, естъ не принадле-
жащее намъ названіе! да чтожъ мы ша-
кое? и какое названіе намъ принадле-
житъ?) — „Мы и безъ того имѣемъ мно-
„жество выгодъ предъ всѣми Европейскими
„народами: нашъ Руской языкъ самъ по
„себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, силь-
„нѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ того
„можемъ еще погертать изъ Славенскаго
„(выгода несравненная!) съ тѣмъ однакожъ
„условіемъ, чтобъ выраженія и обороты,
заимствованные нами, не были противны
„собственному языку нашему. Естълижъ
„бы они оба составляли одно и тоже цѣлое,
„на что сіи предосторожности?„ (Что зна-
чатъ сіи слова: нашъ Руской языкъ самъ
по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, силь-
нѣе всѣхъ прочихъ? какъ! нашъ Руской
языкъ самъ по себѣ? да что такое нашъ
Руской языкъ самъ по себѣ? гдѣ онъ? воз-
мемъ какую нибудь нынѣшнюю книгу,
найдемъ ли мы въ ней хотя два такихъ
слова (выключая иносстранныя), о копо-
рыхъ бы могли мы сказать: вотъ это
Славенское, а это Руское? Ежели мы

подъ Славенскимъ словомъ разумѣть будемъ высокое слово, на примѣръ *вниду*, а подъ Рускимъ просное, на примѣръ *войду*, то конечно о разности ихъ рассуждать можемъ, утверждая справедливо, что первое изъ нихъ прилично важному, а другое среднему или простому слогу; но утверждать, что *вниду* есть Славенское, а *войду* Руское, и дѣлать изъ того два разныхъ языка, есть не знать составленія словъ, есть утверждать, что предлогъ *объ* различенъ отъ предлога *въ*, и глаголъ *иду* различенъ отъ глагола *иду*. Возмемъ вышесказанную рѣчь: *нашъ Руской языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе*, и проч. можно ли о мѣстоименіи *нашъ*, о словѣ *Руской*, о существительномъ имени *языкъ*, о мѣстоименіи *самъ*, о предлогѣ *по*, о мѣстоименіи *себѣ*, о нарѣчій *горздо*, о именахъ *богатѣе, великолѣпнѣе*, и такъ далѣе по порядку, сказать, что слова сіи суть Рускія, а не Славенскія, или Славенскія, а не Рускія? Можно ли о Невѣ сказать, что она и безъ воды богата водою?) —

„Для того большая часть нашихъ тепе-
 „ришнихъ (*) выражений (я говорю только
 „о настоящемъ Рускомъ языкѣ, а не о вар-
 „варской смѣси, какою писаны многія нѣ-
 „нѣшнія книги) не токмо не принадлежатъ
 „къ Славенскому языку, но даже и не отъ
 „него производятъ?„ (Въ подобныхъ сбо-

(*) Здѣсь должно сказать *нѣнѣшнихъ*, а не *теперешнихъ*. Оба сіи слова *нѣнѣ* и *теперѣ* (последнее происходитъ отъ мѣстоименія *та* и имени *пора*) суть равно Славенскія или Рускія; но одно изъ нихъ возвышеннѣе другаго (обстоятельство принадлежащее до слога), и хотя они оба изъясляютъ неопредѣленное количество времени, однакожъ одно изъ нихъ означаетъ большее количество, нежели другое (обстоятельство относящееся къ разбору смысла словъ). Отсюда весьма бы странно было вмѣсто: *которой теперѣ гасѣ*, спросить: *какой нѣнѣ гасѣ?* или вмѣсто: *ми въ нѣнѣшнемъ посту говѣли*, сказать: *ми въ теперешнемъ посту говѣли*. Вотъ, въ чемъ надлежало бы различать слова, а не въ томъ, чтобъ безъ всякаго толку раздѣлять ихъ на Славенскія и Рускія.

рищахъ словъ не должно искашь мыслей, а еще меньше разума; ибо они совсѣмъ не съ шѣмъ пишущся, чтобы сказанное можно было доказать или разумѣть; но только съ шѣмъ, чтобы оно написано и прочтено было. Здѣсь говорится о *варварской смѣси*, а въ чемъ она состоитъ, до того дѣла нѣтъ. Говорится, что *большая часть нѣмѣшнихъ нашихъ выражений не только не принадлежитъ къ Славянскому языку, но даже и не отъ него происходитъ*, а какъ, и почему: этого прошу не спрашивать. Между шѣмъ *варварская смѣсь* конечно бываетъ, и еще двойкая, на примѣръ, ежели бы кто написалъ: *меня фрапировалъ колоритъ этой пьесы*, рѣчь сія была бы варварское смѣшеніе своихъ двухъ мѣстоименій съ шремя чужими словами; или, есѣли бы кто, говоря о младенцѣ сынѣ своемъ, сказалъ: *мой малютка дѣлаетъ зубы* (вмѣсто у моего малюшки *роступиъ зубы*), тотъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы варварское смѣшеніе, потому что Русское выраженіе *мой малютка* смѣшалъ бы съ выраже-

ніемъ, взятымъ съ Французскаго, и которое въ нашемъ языкѣ не имѣетъ того значенія. И такъ *варварская смѣсь* состоитъ или въ принятіи многихъ чужихъ словъ, или въ буквальному переводу съ чужаго языка такихъ выраженій, которыя нашему языку или несвойственны, или невразумительны, или не по значенію. Другой никакой варварской смѣси быть не можетъ. Но когда выраженія *не принадлежатъ къ Славенскому языку и не отъ него производятъ*, такъ откудажь они взялися? Какія же они, какъ не чужестранныя? и когда большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій такова, то какимъ же образомъ вмѣстѣ и вопіюще пропавъ ихъ, называя *варварскою смѣсью*, и утверждаешь, что она-то и есть украшеніе нашего языка?). — „*Правда, что „возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи Славенскаго; но „сія необходимость пользоваться мертвымъ „для насъ языкомъ для подкрѣпленія живаго, не есть доказательство.*“ (Что такое значеніе здѣсь слово *помощь*? не

мудрено понять, когда скажутъ: человекъ помогаетъ человеку; но какимъ образомъ представишь себѣ, что *языкъ помогаетъ языку?* Эпова мало: *мертвый помогаетъ живому!* и эпова мало: *живый безъ мертвого существовать не можетъ!* Какъ? подобныя сему загадки, странности, небылицы смѣюшъ являшъся въ видѣ *разсуждений?* и предъ кѣмъ? предъ лицомъ свѣта? О! но воздержимся отъ удивленія. Здѣсь языкъ Славенскій называется мертвымъ. Что такое мертвый языкъ? тотъ, которымъ никакой народъ не говоритъ болѣе. Лапинскій языкъ есть мертвый; ибо существуетъ въ однихъ только книгахъ и между учеными всѣхъ земель людьми. Элинскій или древній Греческій можетъ также назваться мертвымъ, потому что число нынѣшнихъ Грековъ весьма невелико, сосношъ подъ владѣніемъ Турецкимъ, и при томъ новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошло отъ языка своихъ предковъ, языка Гомеровъ, что уже больше не разумѣютъ онаго. Въ томъ ли

положеніи находится Славенскій языкъ? Пятьдесятъ милліоновъ человекъ говорятъ имъ! И тамъ, гдѣ главная колыбель его, гдѣ на немъ основана вѣра и законы, тамъ называютъ его мертвымъ! О! но воздержимся отъ удивленія). —

*„Хорошіе писатели наши весьма наблюда-
ютъ это, и дѣйствительно въ ихъ сочинен-
ніяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный ве-
ликолѣпіемъ Славенскаго, не престаетъ
однакожъ быть Рускимъ.,“* (Евклидъ го-
воритъ: ежели опущенъ на прямую чер-
ту отъ вѣсь, дѣлающій по одну сторону
уголъ прямой, то и по другую сторону
будетъ уголъ прямой же. Такъ-то и
здѣсь: ежели языкъ нашъ наполненный
великолѣпіемъ Славенскаго не престаетъ
быть Рускимъ, такъ по той же причинѣ
наполненный простонародіемъ Рускаго не пре-
стаетъ быть Славенскимъ. Евклиду на-
добно вѣришь, онъ учитъ разсуждать.
Впрочемъ хорошіе писатели конечно не
смѣшиваютъ Славенскаго языка съ Рускимъ;
но подъ сими словами разумѣется разли-
чіе высокаго слога съ простонароднымъ. На

примѣръ можно сказать, *препоаяши гресла твоя и возми жезлъ въ руку твою*, и можно также сказать: *подпоаяшбся и возми дубину въ руки*; то и другое, въ своемъ родѣ и въ своемъ мѣстѣ, можетъ прилично быть; но начавъ словами: *препоаяши гресла твоя*, кончивъ: *и возми дубину въ руки*, было бы и смѣшно и странно. Вотъ что наблюдаютъ хорошіе писатели; а не то, чѣмъ кричатъ: *гресла, жезлъ, препоаяши, безлутной, огнезарной, безлестной, всезлюбной, плотоядной, возсоздателъ, бдѣніе, стѣдѣніе, воздосной*, и проч. (*) это Славенскія —

(*) Читатель да не подумаетъ, что сіе собраніе словъ есть одно мое предположеніе, нѣтъ: мы найдемъ въ журналахъ вопіянiе противъ каждаго изъ оныхъ. Однимъ словомъ, всѣ тѣ имена, какими лучшія наши творенія и высокой языкъ священныхъ книгъ преисполнены; все то, что въ Академическій Словарь включено; все то, чѣмъ Лагарпы и другіе ученые люди превозносятся единообразныя съ нашимъ Греческой и Ла-

сохрани насъ Богъ отъ нихъ! — а *под-
поясатся, дубина, горшокъ, ланти, ко-
терга, блины, помело, огурцы, квашня:*
воопъ это наши Рускія слова! Какъ можно
такихъ писателей или судей называть
хорошими? они языка не знаютъ; ничего
пушнаго и хорошаго не читали по Руски;
не умѣютъ высокаго слова опличить отъ
низкаго: какъ же имъ разсуждать о сло-

тинской язки (а именно подобнымъ
нашему словосочиненіемъ, таковою же
удобностію къ составленію словъ и сво-
бодою извращенія ихъ въ рѣчахъ); все
то, говорю, сіи судьи и спихотворцы
отмещутъ, и потомъ въ посланіяхъ
своихъ взываютъ къ *Виргиліямъ, Гоме-
рамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ,
Ювеналамъ, Саллустіямъ, Фукидидамъ,*
зашвердя одні только имена ихъ, и, что
всего удивительнѣе, научась благочестію
въ *Кандидѣ*, и *благонравію* и *знаніямъ*
въ *Парижскихъ переулкахъ*, съ повреж-
деннымъ сердцемъ и помраченнымъ
умомъ вопіютъ противъ невѣжества, и
обращаясь къ *тѣнямъ великихъ людей,*
толкуютъ о *наукахъ* и *просвѣщеніи!*

весности?) — „При Петръ Великомъ или
 „въ началъ просвѣщенія нашего, високимъ
 „слогомъ, то есть по просту на Славенскомъ
 „языкъ, писали всякія книги безъ разбора„
 (Прекрасное изшолкованіе: *высокимъ сло-*
гомъ, то есть по просту, на Славенскомъ
языкъ! Да развѣ Славенской языкъ и вы-
 сокой слогъ есть одно и то же? Не ужъ
 ли всякая Славенская рѣчь есть высокая?
 не ужъ ли *хощеши ли, дамъ ти подзатвѣ-*
ницу, есть такой же высокой языкъ-
 какъ *трепетна бѣгъ земля, и основаніе*
горъ смятошася? Ежели при Петръ Ве-
 ликомъ всякія книги безъ разбора писали
высокимъ слогомъ, такъ по этому всякая
 челобитная была поэмá, всякой писарь
 Ломоносовъ? Лучше бы намъ быть въ
 началъ нашего просвѣщенія, нежели по-
 добными разсужденіями чрезъ сто лѣтъ
 показывать такіе худые успѣхи въ ономъ).
 „А *простымъ слогомъ,* или лучше скажутъ
 „*нарѣчіемъ,* испорченнымъ изъ Славенскаго
 „и смѣшеннымъ со множествомъ Татар-
 „скихъ словъ тогда говорили. Языкъ же,
 „когда Руской языкъ образовался, сіе раз-

„литіе въ слогѣ съ точностію наблюдается
 „по разлитію рода сочиненій.„ Попомѣ въ
 возраженіе на то, что многіе корни Гре-
 ческихъ и Латинскихъ словъ примѣчаю-
 ся въ Славенскомъ языкѣ, сказано: „не зная
 „по Гречески, я не могу опровергнуть онаго;
 „но можно ли подумать, чтобъ Греки, народъ
 „столь просвѣщенный, наслѣдовавшій са-
 „мымъ богатымъ изъ всѣхъ языкомъ, за-
 „хотѣли пользоваться Славенскимъ, кото-
 „рымъ въ сравненіи съ Греческимъ былъ грубъ
 „и бѣденъ?„ (Сближимъ теперь всѣ вы-
 шесказанныя мѣста, и посмотримъ на
 кучу скомканныхъ въ нихъ прошивурчій,
 не имѣющихъ между собою ни сообра-
 женія, ни слѣдствія, ни связи: Славенское
 и Руское нарѣчіе суть два языка различ-
 ные между собою! — Славенской языкъ
 есть высокой слогъ! — Славенской мертвой
 языкъ великолѣпенъ и Руской живой безъ
 помощи его существовать не можетъ. —
 Славенской языкъ въ сравненіи съ Грече-
 скимъ (котораго сочинитель не знаетъ)
 грубъ и бѣденъ! — Славенскимъ языкомъ
 или высокимъ слогомъ до Петра вели-

каго писали всѣ книги безъ разбора, а Рускимъ говорили! — Руской языкъ давно оподѣлился отъ Славенскаго введеніемъ множества Татарскихъ словъ и выражений совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ! — Онъ есть испорченное изъ Славенскаго нарѣчіе, смѣшенное съ прешимъ чуждымъ! — Онъ непосредственно происходитъ отъ Славенскаго языка, но большая часть нынѣшнихъ выражений его не принадлежитъ къ Славенскому языку, и даже не отъ него происходятъ? — Какъ? это называется *критикою*? разсужденіемъ о языкѣ и словесности? на этомъ основывающа доказательства, что мы должны Славенскій языкъ почитать особымъ языкомъ, презирать, уклоняться отъ него? Не ужь ли есть люди, которые сему повѣрятъ? Правда, Лагарпъ говоритъ: *on ne se flatte pas d'imposer silence à cette espèce d'hommes, sur qui la raison a perdu ses droits, sur-tout depuis que la déraison est de toutes les puissances la plus accréditée.* (Pseautier, discours preliminaire: page 5). Однакожъ дой-

ши до такой степени, чтобъ убѣждаться подобными сему истиннами: Славенской языкъ великолѣпенъ, грубъ и бѣденъ — Руской языкъ не можетъ существовать безъ Славенскаго, однакожъ онъ самъ по себѣ (шо есть безъ Славенскаго) гораздо богаче и сильнѣе всѣхъ прочихъ — до Петра Великаго не было у насъ никакихъ сомнѣній, а писали тогда всякія книги безъ разбора высокоимъ слогомъ. — Дойти, говорю, до такой степени, было бы нѣчто чрезвычайное. Но чтожъ еще? послѣ сихъ вмѣстѣ и отрицаній и утвержденій, предвозвѣстивъ (къ великой похвалѣ Рускаго языка), что оный есть *испорченное изъ Славенскаго и смѣшенное со множествомъ Татарскихъ словъ нарѣчіе*, вдругъ важнымъ голосомъ возвѣщаютъ: *онъ же, когда Руской языкъ образовался.....* Да изъ чѣго же онъ образовался? изъ Татарскихъ и простонародныхъ словъ? Прекрасное образованіе языка! Подлинно по ихъ опредѣленію онъ не *Славно-Россійскій*, а *худо-Славно-Татарской*. Бѣдной Руской языкъ! Лучше бы сіи защитники

за тебя не всступались. Они отъ презрѣнія къ Славенскому языку дадушъ шебѣ такое произхожденіе, которому ты самъ не радъ будешь. Они гошовы называютъ тебя Ташарскимъ, Калмыцкимъ, Чухонскимъ, Камчедальскимъ, лишь только бы не Славенскимъ).

Изъ сихъ немногихъ выписокъ ясно уже видно, каковы и чемъ наполнены бывающъ таковыя сочиненія. Есильлибѣ мы захотѣли съ подробностію разсмотрѣть оныя, то конечно во многихъ мѣстахъ произвели бы въ читателѣ удивленіе, негодованіе и смѣхъ; но намѣреніе наше было только показашъ сужденія ихъ о языкѣ, пропуская все прочее, какъ недостойное ни его ни нашего вниманія.

А. Шишковъ.
